

Сердце и порох

Э. Б. ГОМДЕН

ПОКЛОННИКИ ФЭНТЕЗИ И РОМАНТИКИ
ВЛЮБЯТСЯ В ЭТУ КНИГУ

Али Хейзелвуд

За багровым занавесом

Э. Б. Голден

Сердце и порох. Книга первая

«O2»

2024

Голден Э.

Сердце и порох. Книга первая / Э. Голден — «О2», 2024 — (За багровым занавесом)

ISBN 978-5-353-12042-1

Здесь побеждает не оружие или магия. Здесь побеждает искусная ложь. Захватчики принесли на вольный остров Луисонн свои порядки. Здесь цвет браслета определяет дальнейшую судьбу, верность проверяют доносами, а за инакомыслие вешают на мостах. Здесь живет Фирин — воровка, авантюристка, наследница запретного дара. Ее оружие — умение менять лица как перчатки. Ее цель — сбежать с острова, оставив в прошлом отцовское наследие и страх разоблачения. Но планы рушатся, когда на крыше незаконного театра она встречает Брегану. Когда-то этот рабочий парень с веснушками и дерзкой улыбкой заставил ее забыть первое правило отца: «Никому не показывай свое лицо». Но кто он на самом деле? Фирин готова рискнуть и открыться Брегану, только получит ли она правду в ответ? Погрузитесь в захватывающее ромэнтези о борьбе двух отчаянных сердец за свободу и любовь в мире, охваченном войной! Данное издание является художественным произведением и не пропагандирует совершение противоправных и антиобщественных действий, курение и употребление алкогольных напитков. Курение и употребление алкоголя вредят вашему здоровью. Описания и/или изображения противоправных и антиобщественных действий обусловлены жанром и/или сюжетом, художественным, образным и творческим замыслом и не являются призывом к действию.

ISBN 978-5-353-12042-1

© Голден Э., 2024

© O2, 2024

Содержание

Акт I	8
Сцена первая	11
Сцена вторая	14
Сцена третья	21
Сцена четвертая	24
Сцена пятая	28
Сцена шестая	34
Сцена седьмая	40
Сцена восьмая	44
Акт II	47
Сцена девятая	50
Сцена десятая	59
Сцена одиннадцатая	62
Сцена двенадцатая	64
Сцена тринадцатая	68
Сцена четырнадцатая	73
Сцена пятнадцатая	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Э. Б. Голден

Сердце и порох

© E. B. Golden, 2024 This edition published by arrangement with Laura Dail
Literary Agency, Inc and Synopsis Literary Agency

© ООО «РОСМЭН», 2026

Посвящается 14-й Скэл-стрит и Элу Миллеру. Спасибо за все!

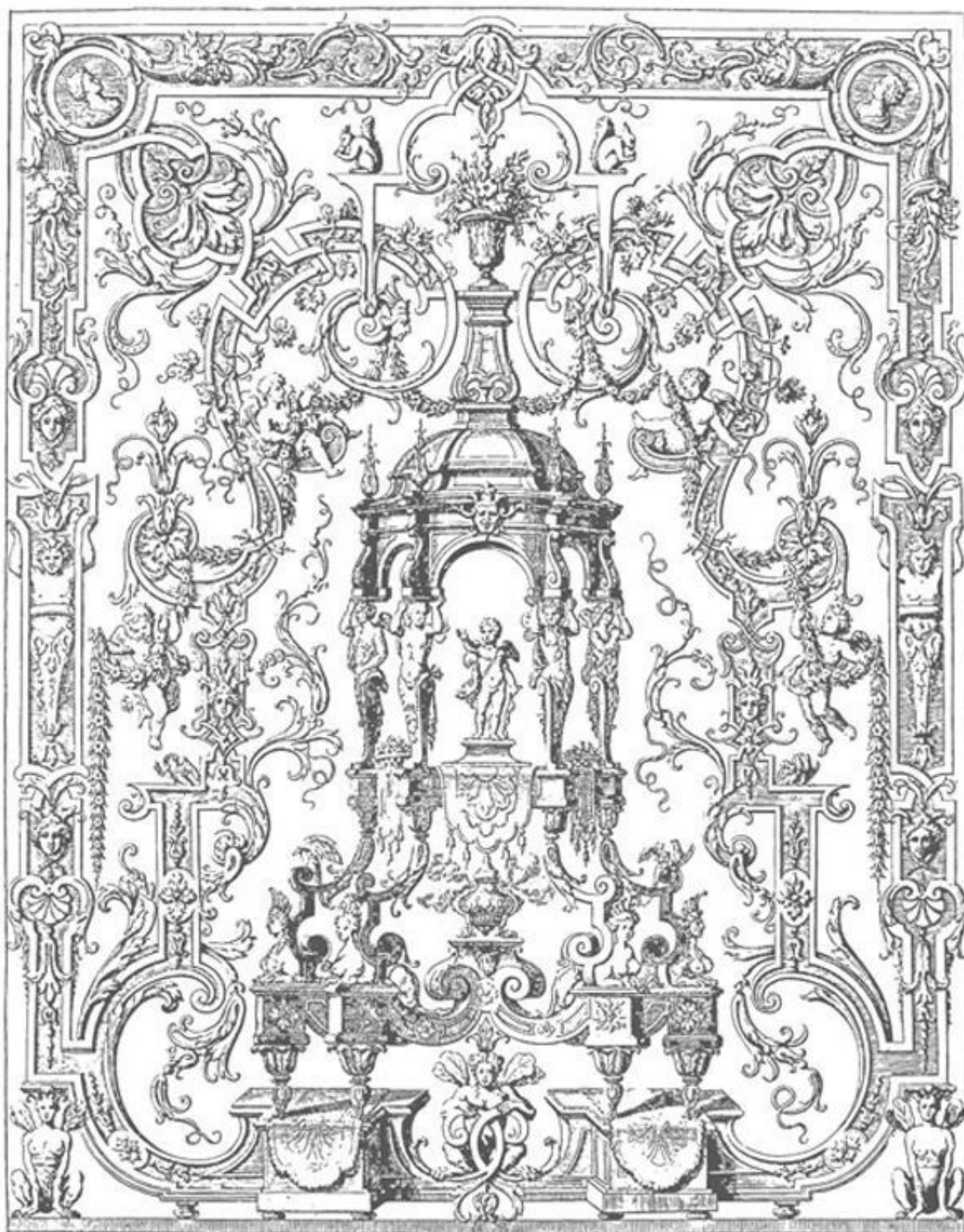

Сердце и порох

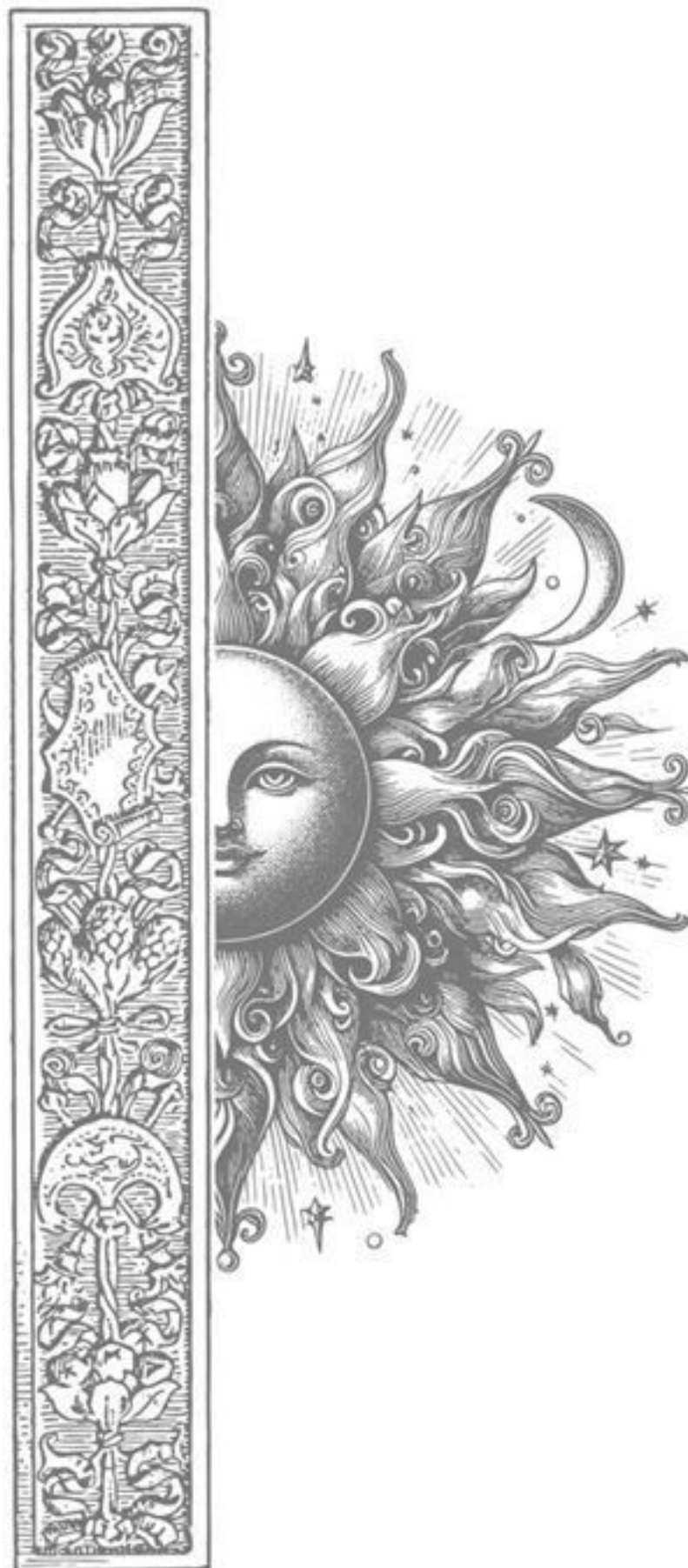

АКТ I

АКТ I

Сцена первая

Фирин

Сейчас

В маленькой квартирке пахло смертью.

Закрыв рот рукавом льняного платья, я чуть приоткрыла занавески и выглянула наружу. Внизу по улице маршировал отряд ставских солдат, разгоняя спящих перед ними торговцев. Вверх солдаты не смотрели, да и непохоже было, чтобы меня кто-то преследовал, но сердце мое колотилось по-прежнему. В этом городе кто угодно мог быть агентом ставского режима.

Опустив занавеску, я повернулась и еще раз оглядела комнату. На высокой кровати в углу невнятно стонала сквозь синеющие губы женщина. Пот стекал по ее пожелтевшей коже прямо на скомканное одеяло. К утру она умрет, а вместе с ней и последнее свидетельство моего нахождения здесь.

А пока что ее смерть давала мне фору.

Мои планы уже оказались у ставов в руках, а если бы в них оказалась и *я сама*, висела бы в петле еще до рассвета. Надо было убираться с острова этой же ночью.

Уверенными, отточенными движениями я обыскала каждый уголок квартиры. Простые, но крепкие шкаф и стол. Раскрашенные глиняные горшки, украшающие нишу в стене. Шкаф набит одеждой, сшитой на заказ и идеально чистой. Как гротескно смотрелись эти следы обеспеченной жизни представительницы Округа торговцев рядом с черным облаком близкой смерти, нависшим над женщиной. Но смерть не делает исключений.

Натянув милую курточку из кротового меха – фиолетовую с зеленой вышивкой, – я перешла к комоду. Ящик выдвинулся без скрипа. Внутри на стопке одежды лежал аккуратно сложенный лист плотной бумаги. На нем я прочитала:

**КЛАСС: ТОРГОВЕЦ
РОД ЗАНЯТИЙ: ТКАЧ**

Запихнув документ в карман курточки, я осторожно шагнула в облако близкой смерти, окутавшее ткачиху. Я уже переболела соляной в детстве, так что заразиться мне не грозило, но я все равно закрыла рот рукой из чистого суеверия. Женщина что-то бормотала в подушку, морщась от боли. В черных волосах, прилипших к бледному лбу, блеснула пара седых. Умирающей было около сорока, и жить ей оставалось лишь несколько часов.

Медики, работающие на высшее общество, могли ее вылечить, но, конечно же, не стали бы. По крайней мере, у нее был свой угол, кровать, подушка. В Рабочем округе ее бы выкинули помирать на улицу. А в округе Зет и вовсе бы спалили все здание вместе с ней и остальными его обитателями.

На костлявом запястье висел браслет из зеленой кожи, обозначающий ее принадлежность к торговому классу. Я сняла его.

На моей руке сомкнулись пальцы.

Я качнулась назад, но ткачиха пригвоздила меня к месту ясным взглядом голубых глаз. Она смотрела на мое лицо – лицо ее дочери, с которой они уже давно не разговаривали, – и во рту у меня пересохло. Облик ее дочки я приняла лишь как меру предосторожности – на случай, если кто-то увидит меня входящей в ее дом, – но она не была мне матерью. Ее ладонь на моей коже была мокрой от пота.

– Ты здесь, – прохрипела она сквозь окровавленные губы.

Я отступила, и ее рука со стуком упала на матрас.

– Ты правда пришла.

Когда по ее ресницам пробежала слеза и исчезла в потоках текущего с нее пота, со дна лихорадочно блестящих глаз поднялось чувство, давящее, как все воды океана. Никто не смотрел так на меня уже много лет – да, может, и вообще никогда. Я убрала торговый браслет в карман, к документам. Время стремительно таяло, и я больше не могла терять ни секунды.

– Подожди! – выдохнула она.

Слово отдалось эхом в черепной коробке и заставило замереть на пороге. Вспомнился отец, пресмыкающийся передо мной по ту сторону двери тюремной камеры.

– Пожалуйста, прости меня, – жалобно сказала ткачиха.

Когда я закрыла глаза, с той стороны век на меня взглянуло множество оскаленных лиц отца. Я резко распахнула глаза. Он не заслуживал места в моих мыслях. Да и она тоже. Я мало что о ней знала, а уж тем более о ее дочери или о причине их ссоры. Меня не должно это волновать. И не волновало. Но она *умирала*.

– Прощаю, – пробормотала я.

А потом выскочила из комнаты и захлопнула за собой дверь, словно крышку гроба.

Жители Округа торговцев уже разошлись по рабочим местам, так что в туманном, залитом солнечным светом коридоре здания витала лишь пыль. Сбегая вниз по лестнице, я крепко сжимала документы и браслет ткачихи. Если все выгорит, уже этим вечером я смогу оказаться в Кунсии, с новым именем, новым прошлым, новой жизнью. Свободной от треклятого отцовского наследия.

Распахнув входные двери, я чуть не врезалась в широкую грудь, обтянутую черной кожей.

Я отшатнулась. Только нодтакты, тайная полиция ставского режима, носили кожу в Луиссонне.

– Все в порядке? – спросил мужчина знакомым хриплым голосом и окинул взглядом коридор за мной.

Солнце осветило кривой шрам, крюком изгибающийся сквозь его бородку, и нож из рукава сам скользнул мне в руку.

Это был не просто какой-то там нодтакт. Это был тот, кто охотился за мной.

Я опустила глаза:

– Да, сэр. Прошу прощения.

Когда я обогнула его, он не стал меня останавливать, так что я прибавила шагу и свернула в ближайший переулок. Несколько кварталов я бежала и только потом позволила себе передышку, спрятавшись в самом темном уголке, который смогла найти. Кожа покрылась холодным потом.

Почти попалась.

Что он вообще делал *здесь*, да еще и именно сегодня? Неужели сел мне на хвост? Прижав руку к животу, я силой заставила себя дышать глубже. Нодтакт видел во мне дочь ткачихи, но если бы ему вздумалось обыскать здание и он обнаружил бы пропажу документов умирающей

женщины, то вполне мог бы догадаться, что к чему. Я утерла рот рукавом. Выбора не было – нужно было рискнуть.

Дрожащими пальцами я вытянула из-под воротника платья серебряное карманное зеркальце. Из него на меня, моргая, взглянула дочка ткачихи. На секунду я представила лицо, скрытое за этим, то, которое уже четыре года не видело солнца – с тех самых пор, как подтакты раскрыли мое имя и мои преступления.

Скоро. Там, за морем, я стану свободной. Но туда сначала нужно добраться.

Сосредоточившись на ниточке иллюзии сразу за сердцем, я напрягла ее, словно мышцу. Представив себе новое лицо – и потянула за нее. Моя кровь вскипела. Кожу стало покалывать, кости затрясло, а лицо в зеркале начало меняться. Когда я закончила, плавный изгиб молочно-бледной челюсти обрамляли темные волосы с парой седых вкраплений. Под левым глазом проступило несколько веснушек.

Теперь я была ткачихой. Здоровой, целой, живой.

Пора было купить себе билет с этого острова.

Сцена вторая

Фирин

Тогда

Мой отец преображался с каждым восходом солнца. И каждый раз для меня, ребенка, запертого в стенах без окон, самой важной целью становилось как можно быстрее узнать, кем он был на этот раз.

Однажды утром, когда мне было шесть, а может быть, семь, я выбралась из колючих объятий горы одеял, служивших мне постелью, и стала на ощупь пробираться к выходу сквозь вешалки с костюмами, болтающимися под потолком, подобно подвешенным трупам. Типичный для округа Зет многоэтажный дом скрипел, наполненный звуками раннего зимнего утра: в соседней квартире шептались мальчишки, сверху кто-то метался туда и сюда, вдали смеялась пьяная уличная толпа.

Я замерла, коснувшись пальцами ледяной задвижки, и представила себе ждущую за дверью картину. Там мерцала газовая лампа, не освещая ничего, кроме отцовского лица, словно весь мир был холстом, а он – пятном краски на нем. Меня мог встретить крючконосый пират, усатый бизнесмен или тощий трубочист. Пальцы ног стремительно леденели в порванных носках, а я лишь молилась, чтобы на этот раз отец был в каком-нибудь из своих безопасных образов, а не в том, который так меня пугал.

Приоткрыв дверь, я выглянула наружу. В отблеске золотого света сияло странное круглое лицо. Я замерла. Этот образ был мне незнаком.

– Доброе утро, милая, – сказал отец, сидя за нашим столом, и повел своими новыми усами.

На полосатом пиджаке блестела цепочка часов, а под рукой примостился небольшой цилиндр. Шикарные детали мужского костюма кого-то из управляющего класса. В этих прокуренных стенах он выглядел слишком чистым, слишком чинным на фоне пустой корзины из-под пайков. Но папа вообще редко казался на своем месте в нашей квартире, какое бы лицо ни надевал.

Я посмотрела ему в глаза. Они были тускло-карего цвета, как и мои. Иллюзия не могла менять цвет радужки, так что я всегда искала в них другие знаки: отблеск злости, вспышку нестабильности, туман покоя. Но тем утром они мерцали чем-то новым и странным. Мои пальцы сжались на дверном косяке.

– Кто ты? – спросила я.

Улыбка на лице необычной новой личности смягчилась.

– Меня зовут мистер Финвейнт. А ты сегодня Афина, моя дочь.

Закружилась голова. Вот оно. Я тренировалась так долго, что уже сама не помнила, когда начались мои тренировки, и вот наконец-то он был готов взять меня с собой.

Я не пошевелилась, и папа встал и обошел стол. Когда он присел передо мной на корточки, я отшатнулась, но он взял меня за руку, да так нежно, что я поежилась.

– Пора, Фирин, – сказал он, доставая из кармана синюю ленту управляющего класса.

Согласно ставскому режиму, все зарегистрированные жители города были обязаны носить ленты-браслеты, отмечающие их класс. У нас с отцом регистрации не было, зато имелись ленты всех цветов.

Повязав браслет мне на руку, он задрал рукав моей ночной рубашки, обнажив тонкий шрам в форме креста на плече:

– Что это такое?

– Моя иллюзорная метка. – Этот шрам давал нам способность менять свое лицо. Помимо цвета глаз, это было единственным, что я унаследовала от отца, и единственным, что иллюзия не могла изменить.

– И?

– *Ни ее, ни мои иллюзии никогда и никому не показывать*, – отчеканила я.

Это было первым отцовским правилом. Всего их у него было десять, и я их уже давно выучила наизусть. Но это было самое важное.

– Именно. – Он опустил мой рукав. – Знаешь почему?

– Потому что люди захотят причинить нам вред.

– Точно. Если люди узнают, что мы можем делать то, о чем они слышали лишь в легендах, они захотят либо использовать тебя, либо убить. Понимаешь?

Я не понимала, потому что эти самые легенды отец мне ни разу не рассказывал, да и выходить из квартиры мне было нельзя, но я все равно кивнула.

– Покажи.

Закрыв глаза, я поискала в себе нечто похожее на веревку где-то рядом с сердцем. Представила себе, как мои мышшиного цвета волосы становятся черными, и напрягла мышцы груди, натягивая нить, как учил отец. Тепло разлилось по венам, раскалило мои ребра, хлынуло по костям. Когда макушке стало щекотно и я открыла глаза, на моих костлявых плечах лежали пышные смоляные кудри Афины.

Усы отца дрогнули в улыбке: зрелище столь же редкое, как и звезды на затянутом дымом небе Луисонна.

– Держать сможешь?

– Да.

Всю жизнь, что я себя помнила, я тренировалась каждый день и держала свои трансформации часами, надеясь, что однажды он возьмет меня с собой. В ледяной пучине той зимы я уже почти было сдалась. Но вот он был передо мной, мистер Финвейнт, и наконец-то наступил день моего экзамена – по результатам которого станет ясно, готова ли я помогать ему, или же мне предстоит и дальше месяцами безвылазно сидеть в комнате.

Я не собиралась проваливать эту проверку.

Так как иллюзии хватало только на кожу и кости, отец все утро потратил на мою подготовку. Тер меня мочалкой, пока моя кожа не начала гореть, а ногти не стали абсолютно чистыми, нарядил в самый красивый костюм из наших запасов и натянул капюшон на волосы.

Два часа спустя он провел меня вниз по винтовой лестнице нашего дома на задыхающиеся от угольной пыли улицы Дна – района округа Зет, куда ставы сгоняли всех жителей без лент, словно свиней в слишком тесный загон.

Под кроваво-красным небом отец вел меня по узкому переулку между покосившимися многоэтажками и гниющими пристройками. За исключением пары раз, когда он позволял мне оттащить наш ночной горшок к каналу, я не появлялась на улице с самого лета. Тогда, в жутко

жаркий день, он взял меня с собой в порт, где стояли корабли с континента. Весь день он учил меня, на кораблях какого типа перевозят какой товар. Я помнила тот урок до сих пор.

Гвинитаид высылал нам еду на грузовых кораблях под алыми парусами. Из Кунсии присылали механизмы и прочие изобретения на огромных пароходах. А лодки с синими парусами из Иакирру снабжали нас углем, шелком и табаком. Корабли Ворстава из темного дерева и под черными парусами большинство своих товаров доставляли на юг империи, не доплывая до островов Икет.

Тот день я прокручивала в голове месяцами – кипящая энергией пристань, странные новые запахи и виды. Я умоляла отца сводить меня туда еще раз, научить чему-нибудь еще, но он не соглашался. До этого дня.

Впрочем, отец шел отнюдь не к Пристани. Вместо этого он направился на север, к Центральному каналу. Я крепко сжимала его руку, чтобы не упасть, и вместе мы протиснулись мимо женщины, замотанной в несколько слоев аляповатой одежды и стучащей зубами на холоде, а потом обогнули кого-то спящего с синеющими ногами.

Я вцепилась в отца сильнее, когда мы пошли вдоль канала, петляя между людьми зет-класса, стоящих в очереди за едва съедобными пайками из отходов богатых округов. Каждое утро я наблюдала за этой очередью из окна нашей кухни. Вблизи она оказалась куда больше, чем я думала, и даже морозный воздух не спасал от телесной вони.

Обернувшись, я попыталась найти глазами окно нашей квартиры. Наше здание когда-то было жилищем пиратов, но за последние сорок лет под оккупацией империи Ворстава оно прогнило насквозь. Ставский режим мало волновала даже жизнь рабочего класса, чей заводской труд набивал их карманы деньгами, а уж до безработных зетов им никакого дела не было. Я так и не смогла понять, которое из когда-то прекрасных зданий было нашим.

Прижавшись к отцу, я вместе с ним выбралась из голодной очереди, и он жестом позвал к себе одну из утренних гондол. Когда мужчина на ней подгрел к нам, отец сверкнул ему золотой монетой – из тех, что можно было тратить лишь в богатых районах. Эти деньги он принес вчера с одного из своих заданий – и в этот день нам предстояло эту трату восполнить.

Выглянув из-под капюшона, я наблюдала, как перепачканный в угле гондольер рассматривает отцовский роскошный наряд. Он вскинул бровь. Я напряглась, ожидая, что он потребует у отца документы, но мужчина лишь со свистом втянул воздух сквозь зубы и взял деньги.

Папа пересадил меня в лодку, и мы выплыли на середину канала. Гондольер вел нас против течения, сквозь плотную пелену смога. Когда отец присел передо мной, из-под капюшона на меня вновь посмотрело его странное новое лицо.

– Сейчас, Фири, – прошептал он.

Я натянула иллюзорную нить, и мои тонкие мокрые волосенки превратились в пышные, едва сырые кудри Афины. Они жгли холодом шею, а щеки все еще горели от отцовского умывания, но мне было все равно. Куча шерстяных юбок, которые натянул на меня отец, прекрасно грели, а главное, я была снаружи. И мы направлялись в какое-то новое место. Я крепко стиснула нить.

Несколько минут спустя над каналом показался мост, украшенный свежими трупами. Фиолетовые ленты свисали с лодыжек нескольких несчастных, а один из них даже был моего возраста. Фиолетовый означал воровство. Я покрутила браслет управляющего класса, который отец повязал мне на запястье.

Мы не крали.

«Это не воровство, если они отдают все добровольно», – всегда говорил отец.

Гондола проплыла под ужасающей картиной и выплыла из Дна в Округ рабочих – куда дальше, чем я когда-либо была. Я снова и снова повторяла в голове сценарий. Нужно было отыграть все идеально. Доказать отцу, что могу помогать. Над огромными заводами, выпле-

ывающими черный дым вдоль канала, вставало солнце. Затем заводы сменились парками и жилыми домами с вычурной архитектурой.

Когда мы остановились у Закоулков – перекрестка между Округами рабочих, торговцев и управляющих, отец вытащил меня из лодки, снял с меня капюшон и поправил рукава наряда. В центре огромной площади возвышалась статуя императора Дрезнорьпроскаеднова, отбрасывающая длинную тень на шумную толпу. Он управлял империей Ворстава на южном материке и возглавлял ставский режим, который оккупировал нас. На каждой площади города стояли его статуи. Эта, например, была высотой с дом. Одна только его борода была длиной почти со всю меня.

Вместе с другими новоприбывшими мы опустились на колени у подножия статуи под наблюдением ставских солдат. А когда встали, отец взял меня за руку и уверенно зашагал по направлению к Округу управляющих, словно всегда вертелся среди бизнесменов-предпринимателей, владельцев заводов и представителей правительства. Проходя мимо группы солдат на контрольном пункте, он лишь сверкнул им синей лентой, и они пропустили нас кивком головы, не задавая вопросов.

Отец вывел меня в ухоженный сквер. Вся моя кожа звенела. В Округе управляющих не было раздутых от голода тел и вездесущей вони. Зимний воздух был чист. Даже небо казалось более синим. Я завертела головой, разглядывая каждый яркий магазинчик и каждого аккуратного жителя.

В животе заныло от сладкого запаха. Я обернулась. За самым чистым окном, что я видела в своей жизни, сверкали целые полки горячей выпечки, умоляющей, чтобы ее забрали домой. В округ Зет еда попадала на лодках с пайками, и пахла она плесенью, а не сахаром. Внутри лавки подсакивала на месте маленькая девочка в пышной юбке. Она показала на одну из булок, ее мама рассмеялась. В мою грудь вонзилось что-то острое. Они что, жили тут?

Отец поймал меня за подбородок.

«Что бы ты ни делала, не выходи из образа». Шестое правило.

Я прикусила губу. Сейчас я тоже жила здесь. Для Афины, дочки мистера Финвейнта, в этом месте не было ничего удивительного. У большинства личин отца дочерей не было, так что я прижалась ближе к нему, шагая по скверу.

Наконец отец остановился под навесом одного из магазинов.

– Надо быстро кое с кем встретиться, – сказал он с легким гвинским акцентом.

Первая строчка нашего сценария. Я выпрямилась. Кто же был целью?

Отец заправил локон мне за ухо, обращая внимание на себя:

– Обещаешь подождать и вести себя хорошо?

– Обещаю, – наизусть ответила я.

– А если будешь паинькой, я потом покажу тебе один сюрприз.

Я послушно ахнула:

– Какой сюрприз?

– Если скажу, то какой же это будет сюрприз?

На самом деле никакого сюрприза не было, но моя кожа все равно покрылась мурашками. Мы много раз репетировали этот разговор в нашей квартире, но он всегда был в одном из своих тренировочных образов. А теперь мы стояли снаружи, на волшебных улицах Округа управляющих, и отец *был* мистером Финвейнтом.

Его взгляд скользнул куда-то мне за спину, и, проследив за ним, я увидела мужчину, идущего в нашем направлении по тротуару. Оранжевый браслет сверкал из-под рукава его потрепанной, но ухоженной фланелевой рубашки и шерстяного пиджака. Гвинская мода рабочего класса. Других рабочих поблизости не было. Мясистые обветренные щеки, недовольный рот, зачесанные назад волосы. Он то и дело вытирал руки о штаны, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Когда рабочий подошел ближе, отец сделал шаг и столкнулся с ним.

– Смотри, куда идешь! – рявкнул он.

Мужчина ахнул и начал торопливо извиняться, спотыкаясь о собственные ноги в попытках отойти быстрее. Отец фыркнул. Я прижалась к нему, словно мне было страшно, но лишь ждала следующего шага. Мысленно я вела отсчет в ожидании следующей реплики.

Раз, два, три...

Отец похлопал себя по карманам.

– Ах ты вор! Мой кошелек! – Он ткнул пальцем в рабочего, который только и успел, что вытаращиться на нас, как на него тут же налетели солдаты с пропускного пункта.

– Да я не... я же ничего... – оправдывался он, пока солдаты обыскивали его карманы.

– Слезы, Фири, – прошептал отец.

Из моих глаз хлынули горячие слезы, прямо как мы репетировали, прямо как я тренировалась.

– Кожаный! – воскликнул отец, перекрикивая мой рев, и положил руку мне на затылок. – Отан Финвейнт. Мое имя. Имя. Выгравировано...

– Да не брал я никакого кошелька! У меня документы есть, – сопротивлялся мужчина. – Меня официально вызвали в квартал Пекарей. – Он попытался залезть в карман пиджака, но солдаты заломили ему руки за спину. А потом один из них достал из его кармана отцовский дорогой кожаный кошелек – кошелек, который отец ему подобрал, когда они столкнулись.

Рабочий выпучил глаза:

– Это не мое. Я клянусь. Это...

Ставский солдат ударил его в челюсть, и у мужчины подломились колени.

– Одно приглашение в Округ управляющих, и ты уже ворует? Дерьма кусок. – Когда рабочий поднял голову, его верхняя губа окрасилась в алый.

Живот скрутило, но совсем не от голода.

Отец открыл кошелек. Внутри были лишь его поддельные бумаги.

ОТАН ФИНВЕЙНТ

КЛАСС: УПРАВЛЯЮЩИЙ

РОД ЗАНЯТИЙ: ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ БАНКА «СКЕРТЦА»

– Мои деньги. – Отец ткнул кошельком в сторону солдат. – Внутри было десять золотых. Верни обратно деньги, ты, шивый...

Я взвизгнула. Иллюзорная нить дрогнула, повергая меня в панику. Если бы мои кудри стали меньше или начали отдавать каштановым хоть на секунду, отец бы больше никогда не позволил мне ему помогать. Слезы хлынули сильнее.

К нам подошел солдат, примирительно поднимая перед собой ладони.

– Прошу вас, сэр, – сказал он на ломаном иакунском. Все ставские солдаты были родом с южного континента, и мало кто из них хорошо говорил на северных языках. – Я достану ваши деньги. Отведите дочку в безопасное место.

Раскрасневшийся отец помедлил, но отвел меня подождать на тротуаре. За нашими спинами рабочий пытался спорить с допрашивающими его солдатами. Управляющие со всей площади наблюдали за этой картиной, выпрямив спины и задрав носы. Я вцепилась в свою ускользающую иллюзию. Лоб покрылся испариной. Провались я сейчас, никогда больше не выйду из своей комнаты.

Загрубевшие ладони коснулись моих мокрых щек. Я вздрогнула, ожидая, что на моей челюсти сомкнутся раздраженные пальцы, но ничего такого не случилось. Когда я подняла взгляд, глаза под нахмуренными бровями мистера Финвейнта были мягкими.

– Ты в порядке? – спросил он, проводя пальцем по моей щеке.

Никогда он еще так не смотрел на меня. Ни в одном из обличий.

Когда он поцеловал мой лоб, реальность стала проще. Я забыла, что мистер Финвейнт и его дочь ненастоящие, что в том кошельке никогда не было никаких денег, что рабочий ничего у нас не крал. В тепле его заботы я превратилась в Афину, дочь Отана Финвейнта, и отцовская любовь тоже стала настоящей. Я напрягла все мышцы в груди. Ни за что не собиралась отпускать Афину.

– Вот, сэр, – сказал молодой солдат, возвращаясь с отцовским кошельком.

За его спиной другой солдат ударил извивающегося мужчину коленом в живот. Внутри опять все сжалось, но я заставила себя всхлипнуть. Афине было страшно. Афину только что обокрали.

Все еще сжимая мою руку, отец взял кошелек, потяжелевший на десять монет, которые никогда нам не принадлежали, – монет, которые ставы ошибочно приняли за собственность богатого мистера Финвейнта, а не рабочего бедняка. Наверное, это была большая часть его сбережений. Интересно, сколько на это можно было купить еды.

– Оттащите его в центральную, – приказал отец. – Я лично позвоню адмиралу, чтобы подать заявление. – Мужчина задрожал. Он брыкался и кричал все то время, что его тащили прочь из сквера.

Отец присел на колени, загоразивая мое поле зрения.

– Ну что же, на встречу мы уже опоздали, но, может, это не так и важно. Может, ты куда важнее. – Он легонько щелкнул меня по носу, продолжая игру, пусть солдаты уже и уходили. *«Всегда считай, что за тобой наблюдают»*. Четвертое правило.

– Правда? – по сценарию ответила я.

По телу пробежала дрожь, за ней последовало чувство грусти. Сюрприз был ненастоящим. Это всего лишь была последняя строчка нашего сценария, знак, что пора было возвращаться домой. Но мне не хотелось прекращать эту игру.

Взяв меня за руку, папа повел меня по площади. Ноги стали тяжелыми. Сделала ли я достаточно? Возьмет ли он меня с собой завтра?

И тут со вспышкой удивления я осознала, что отец шагал в гору, *прочь* от округа Зет. Мы подошли к мраморным ступеням самого огромного здания, что я когда-либо видела. На входе сияли внушительные изящные колонны. Между ними было натянуто большое объявление с изображением двух танцоров из Ворстава, кружащихся в танце. Отец начал подниматься по лестнице.

Я обернулась назад. Мы должны были идти домой.

– Это «Рояль», танцевальный театр азы Весканоры, – сказал отец, следуя за цепочкой управляющих внутрь прохладного фойе. Гул восторженных голосов отдавался от мраморных стен.

«Кто такая аза Весканора?» – хотелось спросить мне, но это не входило в сценарий.

Стуча отполированными ботинками, отец подошел к кассе и сказал:

– Два, пожалуйста. – И протянул девушке часть монет, только что полученных от рабочего.

К тому времени, как мы вошли в залитый приглушенным светом театр, голова у меня кружилась. Горло щекотало вопросами, но я боялась выйти из образа, сказать что-то не то.

– Тут показывают сердзатские постановки, – сказал мистер Финвейнт и жестом велел мне сесть в бархатное кресло. – Очень изящный стиль танца, родом с основного ворставского материка.

У меня не было слов.

Отец коснулся моей щеки:

– Мы пришли посмотреть. Ты заслужила.

Из меня словно вышибло весь воздух.

– Настоящий сюрприз?

Его странный, тихий смех лег мне на плечи, и я выпрямилась как можно выше. Отец посадил нас на самом последнем ряду, у выхода, но я могла видеть всю сцену поверх дорогих шляп и вычурных причесок.

Когда погас свет, уши сдавило тишиной. Я прижалась к отцу и соприкоснулась с ним руками. Он сжал мое запястье, и я чувствовала теплый вес его ладони.

– Смотри внимательно: они будут рассказывать историю.

Взметнулась музыка, вспыхнули огни. А потом отцовское прикосновение осталось моим единственным якорем в этом мире, потому что впорхнувшие на сцену танцоры унесли меня прочь.

Они двигались с отточенным совершенством, сплетаясь телами и выстукивая каблуками сюжет прямо перед моими глазами. Я стиснула свою иллюзорную нить так сильно, что заныли ребра. Пальцы сжались на подлокотнике кресла до проступивших белых костяшек. Я никогда не знала, что что-то столь прекрасное вообще существует. Мне хотелось задержаться здесь, поглотить все это и сделать частью себя.

Но моя нить словно бы превратилась в угря, вырывающегося из маленьких детских ладошек. К середине спектакля меня начало трясти.

– Афина, – пробормотал отец.

Танцовщица на сцене кинулась в объятия своего любимого.

– Афина. – Его лицо расплывалось перед глазами. Для сторонних наблюдателей он наверняка выглядел обеспокоенным отцом, но на самом деле он искал признаки.

Кончики волос на миг стали бурыми. Я покачала головой. Я могла удержать нить. Нужно было просто сжать ее сильнее. Изогнувшись, я попыталась снова увидеть сцену.

Отец встал. Его хватка стала железной. Я инстинктивно проглотила собственный вскрик. Зашуршала ткань, и сидящие рядом начали коситься на нас, но когда отец поднял меня на ноги, я попыталась вырваться. Еще немного. У меня бы получилось.

Но он уволок меня к выходу.

Сцена третья

Фирин

Тогда

Шаги модных отцовских ботинок эхом отдавались среди пустых коридоров, и я ковыляла за ним, спотыкаясь, булькая и захлебываясь от горя.

– Ну, ну. Это лишнее, – сказал он, вытаскивая меня обратно на улицу.

Нас залило солнечным светом: его лучи путались в моих ресницах и застревали в слезах. Я не поднимала глаз от каменной мостовой, боясь того, что он сделает, если другие управляющие заметят мой плач.

Помахав поддельной лентой управляющего класса солдатам на проходной, он спустился со мной вниз под горку, в Округ торговцев. Там, в темном переулке, он посадил меня на перевернутый ящик и повязал мне зеленую ленточку торгового класса вместо синего браслета управляющих.

– Ты отлично справилась, Фирин, – сказал он.

Я коротко и напряженно дышала. Я не хотела быть ею. Фирин отец запирал в квартире. Фирин он тренировал, но никогда не позволял помогать ему. Когда я была Фирин, то отец был кем-то грубым, чьи прикосновения жгли.

Я хотела быть Афиной. И чтобы он остался мистером Финвейнтом.

– А мы еще раз сюда придем? – всхлинула я.

– Конечно. – Он поднял меня на ноги.

Сняв с нас самые запоминающиеся части гардероба, отец провел меня обратно на восток через Луисонн. На каждом проверочном пункте он надевал на меня новый браслет, а ставским солдатам показывал новый набор документов.

Широкие улицы стали узкими. Холодный зимний ветер сделался жестче. Камни мостовой сменились грязной землей, а здания покосились, словно бы их тянуло друг к другу веревками с бельем. Когда мы добрались до окраины округа Зет, у меня дрожали ноги, так что отец поднял меня на руки и понес – мимо замороженных попрошайек и трупов, покрытых грязью и угольной пылью, обратно в тот кошмар, в котором мы жили.

Я уснула раньше, чем мы добрались до квартиры.

* * *

На следующий день я проснулась до рассвета.

Отколупывая со стен штукатурку, оставшуюся еще с прошлой жизни здания, я ждала, пока отец подаст какие-то признаки жизни. Мальчишки за стеной перестали ругаться, чтобы пробормотать утренние молитвы святым Гвинитаида, и я к ним присоединилась. Ставы запретили публичное поклонение каким-либо богам, кроме своих, и хотя отец не молился никому из известных мне божеств, но он все равно рассказал мне о них. По сравнению с мстительными богами Киру, жуткими предками Ворстава и надменными Просвещенными Кунсии, на мои молитвы могли ответить разве что святые защитники Гвина.

Тем утром я умоляла: пусть отец снова будет мистером Финвейнтом.

Когда в шелку под дверью пробился свет свечи, я скинула с себя одеяла. Отец сидел, ссутулившись, за кухонным столом. Услышав скрип дверных петель, он повернул голову, и поверх крючковатого носа на меня хмуро взглянул один из его наиболее частых образов. Внутри все оборвалось.

Сник был одним из моих учителей. Эта личность когда-то жила в цирке Кунсии. Я в этой иллюзии ненавидела все: от лохматых волос до кривых ног. Он пододвинул ко мне полотенце с лежащими на нем свежими булками, и в холодном воздухе заплясал пар. Живот отозвался урчанием. Умом я понимала, что в его оскаленной улыбке играла доля гордости – ведь я помогла нам добыть эту еду – но я осталась стоять в дверях.

– Расскажи мне о соседях, – сказал Сник.

Стандартный вопрос. Каждое утро я отчитывалась отцу о том, что происходило у соседей. *Чтобы тренировать наблюдательность.*

Хотелось спросить о вчерашнем, но послушаться было нельзя, так что, сглотнув, я ответила:

– Третий брат устроился на работу трубчистом. Его па очень этому рад.

Сник крякнул:

– И почему же его па так этому рад?

Ответ был очевиден, но отец всегда спрашивал меня, почему люди говорят то, что говорят, и делают то, что делают.

– Потому что, если он хорошо себя проявит, его могут перевести в рабочий класс.

Сник кивнул, достал сигарету из кармана полосатой рубашки и зажег ее. В окно прорвался холодный зимний сквозняк, разгоняя дым. В нос ударил тошнотворный запах отбросов, обнажившихся в канале после отлива.

Поджимая пальцы ног, я пожалела, что не надела носки, и постаралась не дышать слишком глубоко. В моем горле застрял вопрос. Как я ни приказывала себе не произносить его, голос меня не послушался:

– Почему ты не можешь опять быть мистером Финвейнтом?

Сник опасно замер. Потом затянулся сигаретой.

– Что я тебе говорил про лица?

– Ты слишком много меняешься, – выдавила я. – Так нечестно. Почему нельзя просто...

– Что я тебе *говорил*?

– Ну пожалуйста...

Он ударил кулаком по столу. Встал.

– *Что мы говорим?*

Он навис надо мной, и я стиснула зубы.

– Скажи. – Жуткие поломанные ногти Сника впились в мой подбородок.

– Это опасно, – пробормотала я.

– Что опасно?

– Иметь одно лицо. Нельзя... *нельзя быть предсказуемым.* – Это было третье правило.

Сник шмыгнул носом. Что-то мягкое и совершенно непохожее на Сника промелькнуло в выражении его лица, но стоило ему выдохнуть, как оно испарилось.

– Ты же сказал, мы еще вернемся, – не унималась я.

На мое лицо опустилось теплое облако дыма.

– Ты вчера была... сносной.

Я нахмурилась. Мистер Финвейнт сказал, что я справилась отлично.

– Афина – это опасная роль. Если хочешь ею быть, то тебе придется ею *стать*. Слышишь меня?

– Да. – Я и так хотела этого больше жизни.

– Хорошо. А теперь мне пора на работу. Ты оставайся тут и тренируйся. – Потянув меня за косичку, он взял любимый красный пиджак Сника.

Когда он шагнул к двери, у меня вырвался еще один вопрос, не дававший мне покоя всю ночь:

– Но что будет с тем рабочим?

Сник прищурился, глядя на меня:

– Да ничего с ним не будет. Он рабочий. У него есть настоящие документы, которые ставы могут проверить по своим записям. А значит, он может работать на заводе. А вот мы не можем. Поэтому приходится делать то, что приходится. – Еще раз шмыгнув носом, он присел передо мной на корточки. – У нас, Фирин, в этой жизни два выбора: мы можем пресмыкаться перед ставами и пытаться пробиться в рабочий класс, как те мальчишки за стеной, а можем проворачивать работу вроде вчерашней и накопить достаточно, чтобы уплыть от ставов куда подальше. Разве это не лучше звучит?

– Лучше, – сказала я, сжимая ладошки в кулаки.

– Хорошо. Будут деньги – уплывем туда, куда ты захочешь, и будешь ты там той, кем тебе вздумается. А теперь иди и тренируйся.

Дослушав, как он тяжело спускается по лестнице, я схватила оставленную мне булку и масляную лампу. Жадно жуя, я зарылась в одеяла и нашла в них серебряное карманное зеркальце, которое отец подарил мне давным-давно. Поставив лампу поудобнее, я уселась на пол скрестив ноги. Из маленького стеклянного кружка на меня шурилось лицо Фирин. Ее жидкие бурые волосы торчали во все стороны из двух косичек, круглый нос напоминал кнопку между острыми скулами. Она выглядела как что-то, что живет в темноте. Закрыв глаза, я приказала ей уйти. Иллюзорная нить внутри меня задрожала. По шее взобралась волна мурашек, перебежала на макушку, и вот, когда я открыла глаза, в свете лампы уже сияли смоляные кудри Афины.

Шли часы. Взошло солнце. Мои губы пересохли от жажды. Шея покрылась потом, все мышцы в моем теле ныли, но я держалась за эти кудри, пока перед глазами не поплыло и меня не начало трясти.

Я хотела довести свою иллюзию до идеала. Стать помощницей отца – а потом и самой Афиной, по-настоящему, чего бы мне это ни стоило.

Сцена четвертая

Фирин

Сейчас

Девять человек.

Девять человек отделяли меня от шанса выбраться с островов Икет. Стиснув в пальцах ремень сумки, я наблюдала, как семья в начале очереди предстает перед пристальным взглядом квартирмейстера.

Теперь шесть человек.

Рискнула посмотреть назад. Поверх голов орущих бедняков, работающих в порту, и суетливых, хорошо обеспеченных пассажиров я насчитала по крайней мере двадцать ставских солдат. Их в портовой толпе было полно, как мелких камней в приливе. По меньшей мере четверо из них были одеты в черную униформу нодтактов. То там, то тут вспыхивал хаос, потому что они грубо выдергивали очередного человека из очереди. При каждом обыске находилась повод осмотреть плечи.

Они искали меня.

Отвернувшись от них, я попыталась дышать ровно, комкая в кулаке удостоверение личности ткачихи в кармане фиолетовой куртки. Нодтакта с кривым шрамом видно не было. Пока он не проверил квартиру ткачихи, им оставалось лишь гадать, какое лицо я надела на этот раз.

К счастью, порт был переполнен жителями среднего и богатого классов, объединенных желанием спастись от морозов ранней весны. Большинство людей не знали, что старое антиставское движение реформистов втайне набирало силу, но они что-то чувствовали и бежали прочь, как животные, почуявшие смену давления перед бурей. Было ясно, что, как только реформисты решат нанести удар, империя Ворстава пошлет еще больше солдат и нодтактов с материка – и начнет наказывать любого, кто косо на них посмотрит. И я лично собиралась убраться куда подальше до того, как все это начнется.

Портовые часы тикали. В воде под досками, на которых я стояла, плавала ставская газета, объявляющая о введении новых налогов для рабочего класса, сообщающая об арестах и казнях и напоминающая о комендантском часе. Впереди меня оглушительно взвизгнул ребенок из торгового класса. Я поморщилась.

– Но я *не хочу* в Кунсии, – всхлипнул он.

Эти рыдания продолжались уже несколько часов.

– Знаю, милый, – ответила его молодая и очень уставшая мать, присаживаясь на корточки. – Но это будет наше с вами приключение.

Позади нее мальчишка помладше сжимал булку в мясистых ручонках, едва выглядывающих из-под рукавов теплого шерстяного пальто. С того самого момента, как я встала в очередь, он все не мог перестать таращиться на меня своими огромными глазищами.

Стиснув в пальцах сумку, я посмотрела было на запад, в сторону Дна, но быстро отвернулась, пока голову не успели заполнить ядовитые мысли об отце. Горизонт залива был усеян сотнями кораблей. Большинство перевозили импортное сырье и еду из стран северного континента: топливо, питающее заводы, рабочих на этих заводах и жадность Ворстава. Большинству этих кораблей предстояло плыть дальше, на юг, в империю, но некоторые готовились возвращаться на север и заполняли опустевшие грузовые трюмы пассажирами. Скоро к ним должна была присоединиться и я – чтобы отправиться в Кунсии, наконец-то перестать выживать и начать *жить*.

К квартирмейстеру подошла пожилая пара.

Четыре человека.

Портовый шум разорвало искренним перепуганным воплем. Даже ребенок ошарашенно замолк. Его младший брат поморщился. Всего в четырех причалах от нас ставский солдат выволок из очереди женщину из торгового класса и дернул воротник ее платья, срывая пуговицы на спине. Я едва сдержалась, чтобы не схватить себя за плечо, прикрыть шрам. Костяшки на ремне сумки побелели.

Делая шаг вперед, я пропустила мимо полную чемоданов телегу, бодро пробиравшуюся сквозь толпу.

– Что-то порт сегодня кишит *этими*. Думаешь, унюхали чего? – пробормотал один из портовых рабочих, толкавших телегу, и пожевал зажатую в зубах зубочистку.

– Да нет, они кого-то конкретного ищут, – хрипло ответил второй.

Я развернулась, глядя вслед его мокрой от пота спине.

– Как по мне, так не в ту сторону они роют. Все сегодня будут у «Игроков». Ты идешь?

– На площадь Совесть? Ну конечно.

Их проглотила толпа.

А я забыла, как дышать.

«*Тайные Игроки*».

Название старой нелегальной театральной группы – которую все звали просто «Игроками» – словно застряло поперек трахеи. Много лет назад, до того, как ставы разнюхали, что я натворила и на что была способна, я не пропускала ни одного их тайного выступления. Но с тех пор, как четыре года назад они испарились вместе с реформистами, я больше ничего о них не слышала.

В кожу впились острые осколки прошлой жизни: запах масляных ламп; звуки скрипок; понимающая кривая усмешка на веснушчатом лице; прикосновение мозолистых рук к коже. Я вздрогнула всем телом.

Площадь Совесть.

Если Бреган был еще жив, то впервые за последние четыре года я знала, где его искать.

– Мадам? – Мать-торговка нахмурилась, глядя на меня. – Мадам, вы в порядке?

– Да, я... в полном.

Ее старшенький издал очередной вопль и дернул ее обратно к земле за юбки. Младший продолжал таращиться на меня.

– Следующий! – крикнула квартирмейстер.

Молодой человек, стоявший в очереди перед матерью с детьми, шагнул вперед. Прежде чем обратиться к нему, квартирмейстер добавила:

– Осталось четыре билета! Только четыре!

Внутри меня что-то оборвалось. Очередь за мной застонала. Мать и два ее ребенка должны были забрать последние билеты.

Бросив взгляд назад, я замерла.

Нодтакт с кривым шрамом возвышался, подобно широкой колонне, на самом краю порта, окруженный ставскими солдатами. Что-то говорил, активно жестикулируя, изображая высокую прическу, сумку на ремне. Он рассказывал им обо мне, о том, как я выглядела в образе ткачихи. Непрекращающийся монотонный вой ревущего ребенка продрал меня холодом по спине.

Нужно было попасть на этот корабль, *сейчас же*.

К нам приближалась еще одна телега, на этот раз полная мешков с едой. Я посмотрела в пугающе немигающие глазенки молчаливого мальчика. Пока его мать отвлеклась на второго сына, я присела на корточки и, ненавидя себя с ног до головы, и тихо сказала:

– Смотри-ка.

Поиграла монеткой в костяшках пальцев, гипнотизируя его. А потом закинула ребенка в телегу.

Он утонул в мешках с мукой, и горестные вопли его брата заглушили удивленный вскрик. Телега с грохотом удалилась дальше.

– Следующий! – крикнула квартирмейстер.

Молодая мать поднялась на ноги, взяла сына за руку и развернулась к младшему. Ее лицо мгновенно побледнело, и она начала звать его по имени.

Я схватила ее за плечо:

– Мадам, мне кажется, он забрался вон в ту тележку. – Я показала пальцем на другой конец порта, где было еще едва видно телегу.

Подхватив второго ребенка, девушка бросилась бежать. Она без труда найдет его, но не раньше, чем я заберу билет. Они были из торговцев. Им будет просто найти другой корабль. А вот мне нет.

Когда я доковыляла до квартирмейстера, по моим вискам текли ручьи пота.

– Куда направляетесь? – спросила она.

– Кунсии. – Я протянула ей украденные документы.

Она прищурилась, глядя на них – а потом на мое, то есть ткачихи, лицо.

– Восемьсот.

Я достала деньги, которые копила четыре года: сотни монет, обменные в банке на четыре блестящих золотых слитка. Квартирмейстер пересчитала их, кивнула и вручила мне обратно мои документы вместе с билетом. Я уставилась на него, чувствуя внезапное и странное желание швырнуть его в воду, плещущую под нашими ногами.

– Отплываем на рассвете.

– На рассвете? – задыхнулась я. Столько времени у меня не было.

– Раньше отплывать разрешения нет. Возникли какие-то проблемы?

– Нет, – выдавила я. – Нет, проблем никаких. – Другого корабля в этот день мне было уже не найти. Надо было работать с тем, что имела.

Натянув на голову капюшон, я отошла к краю порта. Петляя сквозь толпу на берегу, двинулась на запад, где реже попадались ставские патрули. Не смея даже поднять взгляда от каменной мостовой, я тянула за нитку иллюзии, прочерчивая морщины на щеках и утончая волосы. При должной удаче я могла бы даже убраться с площади живой, но, если нодтакты пронюхали, что я украла личность ткачихи, успеют ли они проверить список пассажиров каждого корабля на наличие ее имени?

В голове, подобно цветку посреди самой морозной зимы, распустилась ужасная идея. Можно было бы пойти на площадь Совесть и пересидеть на выступлении «Игроков», пока мой корабль готовится к отплытию.

Разбитое сердце заныло, беря многолетние раны, но я отодвинула боль в сторону, пытаюсь найти в этой мысли логику. Нелегальный театр со всей его защитой и специальными протоколами обещал быть этим вечером куда безопаснее большинства городских закоулков. А еще

я могла бы в последний раз взглянуть на Брегана, если он все еще был там конечно. Главное – ни с кем не разговаривать и никому не показывать настоящего лица, и все будет нормально.

Я подняла глаза. Портовые часы показывали двенадцать часов до рассвета. Мне бы только...

Со звоном боевой стали мой взгляд столкнулся со взглядом покрытого шрамами нодтакта на другой стороне порта. Поморщившись от неожиданности, я вдруг осознала, что, пусть лица ткачихи на мне больше и не было, я забыла избавиться от ее фиолетовой куртки.

Нодтакт вскинул брови.

Прежде чем с его губ успели сорваться приказы, я бросилась бежать.

Сцена пятая

Фирин

Тогда

Одним унылым весенним вечером, когда мне было шестнадцать, я кралась по переулку между Рыбацкой пристанью и Банковским кварталом. Дорогие расшитые юбки и длинные рукава шелкового платья уже помялись. Глядя в карманное зеркальце, я чуть подправила иллюзию – брови погуще, подбородок поострее, – чтобы как можно точнее походить на давно уже покойную сестру моей цели.

Сегодняшней работой было поддельное деловое соглашение, требовавшее от меня уйму обаяния. Если повезет, она могла стать последней нашей с отцом аферой.

Я заглянула за угол. На кораблях из Гвинитаида к нам прибыл первый большой урожай этого года. На скалистых берегах островов Икет ничего толком не росло, так что это был один из самых оживленных портовых дней в году. Серое небо наблюдало, как люди текут на север по изгибающимся над Закоулками мостам и несут в город товары с пристани. Торговцы, управляющие, их рабочие-слуги – все вставали на колени перед статуей императора, а затем расходились по своим округам.

В поисках цели я наткнулась взглядом на плакат, развевающийся на холодном ветру.

«Дебютантка Терзата, – гласил он, – в „Рояле“». Позади букв виднелся набросок улыбающейся девушки из Ворстава, запечатленной посреди пируэта. Это было главное представление года, с участием нового таланта азы Весканоры, танцовщицы по фамилии Сочьятова. Если этим вечером все пройдет по плану, то мы с отцом собирались взять туда билеты – отпраздновать.

Я выучила каждый танец, который мы видели за все это время, оттачивала движения в квартире, пока отца не было дома. Как только мы выберемся из Луисонна, я планировала стать танцовщицей. Не сердзата конечно, ведь так танцевали только в Ворставе, но я могла исполнять похожий танец в стиле Кирру – о нем я узнала от торговца, которого мы облапошили несколько месяцев назад. Вот как только доберемся до Иакирру, сразу начну учиться.

Нам с отцом понадобилось куда больше времени, чем я надеялась, чтобы накопить денег на поездку из Луисонна – на подготовку и исполнение задач уходило почти столько же денег, сколько они нам приносили.

Но только не в этот день.

Много лет тренировки и работа занимали все мое время. Я стала ученицей десятков отцовских личностей – фокусников, художников, солдат, шпионов. Под их руководством я научилась идеально менять текстуру волос, углы лица, форму тела. Учила основы ворставского

языка и оттачивала дикцию, пока не смогла легко говорить на иакунском – языке северного континента – с кунсиианским, киррским и гвинским акцентами.

Я терпела снисходительность, гнев и безразличие образов-учителей, а взамен иногда после самых искусно провернутых авантур мы позволяли себе выйти в свет как мистер Финвейнт и Афина. Только в эти моменты я могла просто *быть*.

С нашей последней большой работы прошло уже несколько месяцев, и за это время отец больше отсутствовал, чем появлялся дома. Он никогда не объясняет мне, чем занимается, когда оставляет меня одну, но я подозревала, что он планирует нашу поездку. После сегодняшней работы у нас должно было хватить денег, чтобы отплыть на север. Там отец мог бы найти работу, а я – стать танцовщицей, и мы наконец-то смогли бы дышать.

Комкая шаль в пальцах – с иллюзией аккуратного маникюра, свойственного торговкам, – я осмотрела Закоулки. Казалось, искать одно лицо в целом море набитых карманов – глупость, но мы уже давно не занимались мелкими трюками с кошельками. Более прибыльные бизнес-задания отца порой требовали нескольких месяцев подготовки. Он заставлял меня узнавать о наших целях все: расспрашивать о них в городе, следить за ними, чтобы узнать их прошлое, интересы и самые заветные желания. Мне нравилась эта работа – в основном потому, что для нее мне разрешалось выходить из квартиры.

За последний месяц я выяснила, что сегодняшняя цель барон Ихан Хулей владел самым большим заводом на верфи Луисонна, икетским островным отделением бизнеса его кунсиианца-отца и еще театром на континенте. В Кунсии у него было три брата и одна сестра, умершая в детстве. Я даже прочитала, что несколько лет назад его жена спилась, а сын погиб в кораблекрушении. Пока происходили все эти трагедии, он успешно отмылся от последствий гибели маленькой девочки на одной из его фабрик. Просто повысил зарплату всем рабочим, чтобы они молчали.

Сначала я думала изобразить из себя его мертвую жену, но мне нужно было скорее сочувствие, чем скорбь, так что выбор пал на его сестру. Я нашла старый портрет и подправила иллюзию так, чтобы быть похожей на нее *ровно* настолько, сколько нужно было, чтобы привлечь его внимание.

Бароны обычно не спускались из своих особняков в Баунти-Хилл, так что возможность подвернулась редкая. Если все пройдет по плану, то отец должен был пригласить его на ужин, там застать врасплох вымышленным бизнес-предложением, а оно уже принесло бы нам достаточно денег, чтобы уплыть с островов. А победу мы должны были отпраздновать в «Рояле».

Люди на площади то и дело бросали взгляды себе за спину, набирающий силу ветер трепал волосы и одежду. Вся моя кожа звенела от напряжения, но дело было не только в приближающейся буре: ощущение было такое, словно за маской праздника урожая ворочалось нечто опасное. А потом я увидела и причину.

Ставские солдаты были *повсюду*. Стояли на каждом углу, нарушали естественный поток толпы, потому что люди обходили их стороной. В ответ на недавние протесты рабочих империя Ворстава прислала с материка еще больше солдат. Но сердце у меня сжалось не от вида служащих в синей униформе. Нет, дело было в десятке нодтактов в черной коже, хмурым осматривающих площадь. Имперская служба безопасности обычно работала под прикрытием, но в связи с участвовавшими протестами и забастовками они начали показываться на людях как есть, чтобы запугать жителей до полного подчинения. Если нашу с отцом схему кто-то и мог вынюхать, то это точно были они.

«Если рядом нодтакт – бросай все, каким бы ни было задание». Восьмое правило.

Несколько лет назад я по ошибке обдурила торговца прямо под носом у нодтакта. Отец тогда бросил всю затею, отволок меня домой и запер в квартире, как будто мне снова было семь. Три месяца я пялилась в кухонное окно, а потом и вовсе перестала по несколько дней кряду вылезать из кровати.

Но это была наша первая работа с бароном. Бароны были *самыми* богатыми жителями Луисонна. Они владели конгломератами бизнесов, часто интернациональных. У большинства их основные резиденции находились в других странах. Это был наш лучший шанс достать нужные деньги. Я поправила рукав со спрятанным в нем ножом. Нет, отступить было нельзя.

Вон он.

С моста вальяжно спустился мужчина. Густые волосы цвета соломы и бледная кожа. Блестящий цилиндр, отглаженный синий костюм и ярко-зеленый жилет. Даже без сверкающей белой ленты на запястье барон Хулей бы выделялся из толпы, как мраморная колонна посреди сорняков.

Прикусив губу, я покосилась на подтактов. Мой пульс предупреждающе забился, но я сделала глубокий вдох и вызвала в памяти воспоминание о девочке из рабочего класса, которую я однажды заметила во время разведки. Ее брат огрызнулся на ставских солдат, и они избили его до полусмерти – и все это время от нее исходил чистый, завораживающий, корежащий ужас. Как и учил отец, я впитала память о ее панике в свое тело, а затем кинулась на площадь.

И врзалась прямо в свою цель.

– О нет, простите! – ахнула я, роняя шаль.

Барон поймал меня за плечо, и стоило мне поднять глаза, как его рот пораженно приоткрылся от вида призрака наяву. Внутри меня вспыхнул охотничий азарт.

– Не стоит извинений, – сказал он с плавным, отточенным кунсианским акцентом. – Вы в порядке? – Он был старше, чем я ожидала, и его круглое мясистое лицо было совсем не похоже на картинки в новостях.

Покосившись на его ленту, я подошла ближе и заговорила с мелодичным тембром уроженки Гвина:

– Нет, совсем нет. Я потеряла отца. Я не... не знаю, куда он...

– Расслабьтесь. Теперь вы в безопасности. – Он снял с себя высокий цилиндр.

Ближайший к нам подтакт – женщина с косою потолще любого каната – бросила на нас взгляд, а затем вернулась к разговору с парой ставских солдат. Я выдохнула.

– Где вы видели его в последний раз? – спросил барон, поднимая с земли мою шаль и отряхивая ее. Его глаза сверкали подобно синему небу над лазурным морем.

Мои навыки импровизации существенно улучшились, так что мы с отцом больше не пользовались сценариями, но я все равно обратилась к оговоренной заранее версии.

– Он сказал, что ему нужно к ювелиру, но я отвлеклась и зашла в книжный, потому что увидела у них экземпляр Сумни, – залопотала я. – Заглянула-то всего на минуту, а потом вышла – а его уже нет.

– О, думаю, я знаю, куда он пошел. Давайте я провожу вас.

Он зашагал по площади с непринужденной уверенностью человека, в кошельке которого находились ответы на совершенно все вопросы. Покосившись, я заметила, что женщина из подтактов и вовсе ушла. Все складывалось. Жалко всхлипнув, я закуталась в шаль.

– Так вам нравится Сумни? – Барон постучал пальцем по краю цилиндра, все еще держа его в руке.

– Да. – Я читала, что Сумни был его любимым философом. – Мой дедушка был родом из Кунсии.

– Понимаю. Так вот, лавка ювелира находится...

Над площадью прогремел крик.

– Афина? Афина! – Отец кинулся ко мне – дорогой костюм перекошен, волосы вскочены.

– Папа! – ахнула я, когда он сгреб меня в отчаянные объятия.

– Ох, Афиноушка, я повсюду тебя искал, – сказал он, отстраняясь на длину вытянутой руки. Его лоб весь сморщился от беспокойства. – Что случилось?

– Я потерялась. Вот этот человек мне помог. – Я затаила дыхание, но отец, кажется, не заметил остановившегося неподалеку нодтакта.

Взгляд отца метнулся к белому браслету барона, и он поклонился:

– Моя благодарность не знает границ. Отан Финвейнт. – Он протянул руку.

Склонив голову, барон вернул рукопожатие:

– Ихан Хулей. Уверяю вас, я ничего и не сделал.

Приглушенный вечерний свет померк, скрытый от нас длинной тенью.

– Какие-то проблемы?

Глубокий голос принадлежал мужчине, сложенному подобно каменному зданию. Рваный шрам на лице изгибался крюком, разрезая густую бороду. Когда я поймала взгляд его темных глаз, внутри меня все разлетелось вдребезги, как лед под ударом молотка. За его спиной еще двое агентов Нодтакта, облаченных в черную кожу, положили руки на кобуры пистолетов. В мою вспотевшую ладонь скользнул нож.

Отцовская рука на моем плече содрогнулась.

– Нет, мы просто...

– Нет, – ответил барон, прищурившись. – Все в порядке.

На виске нодтакта заиграла венка. Ветер хлестал по нам. Отец переводил взгляд с одного мужчины на другого.

– Это правда. Моя дочка просто немного невнимательная. Все в порядке. – И он улыбнулся нодтакту со всей присущей наивностью путешественника из Гвина, незнакомого с опасностью нового режима. Я затаила дыхание.

– Документы. – Нодтакт протянул к нам могучую ладонь.

– Конечно, конечно. – Отец полез в карман пиджака.

Когда я достала свои поддельные документы вслед за ним, мои пальцы дрожали.

– Это лишнее, – настаивал барон.

Я подняла взгляд. Он не растерял своей собранной уверенности, но в его глазах появился резкий свет, словно солнце заглянуло в замочную скважину. Может, в Луисонне бароны и были высшим классом, но барон Хулей был кунсианцем, а не ворставцем. Нодтакты служили лично императору Ворстава и не подчинялись даже законам ставского режима. В данной ситуации было неясно, на чьей стороне сила – и тем не менее этот барон заступался за нас, чужаков на класс ниже него. Словно поведение нодтакта оскорбляло его лично.

– *Документы*, – повторил нодтакт.

– Все в порядке, все в порядке, – сказал отец, протягивая наши поддельные документы.

Нодтакт осмотрел их, затем шмыгнул носом.

– Добро пожаловать в Луисонн. – Еще раз окинув нас мрачным взглядом, он испарился.

У меня вырвался вздох облегчения. Барон опустил взгляд, и буря его ярости утихла, словно задули свечу. В уголках глаз собрались морщинки.

Я заставила себя улыбнуться ему:

– Спасибо вам, сэр. За помощь.

Отец смотрел вслед удаляющемуся нодтакту. Напускная наивность заледенела маской на его лице.

«*Пожалуйста, только не отступай*», – мысленно взмолилась я. Мы все еще могли пригласить барона на ужин, проверить сделку, отпраздновать в «Рояле».

– Что же, всего хорошего, – сказал барон, надевая цилиндр.

– У вас знакомое лицо, – сказала я, импровизируя, и наклонила голову, давая ему хорошенько рассмотреть все черты, подобранные, чтобы быть похожей на его сестру. Нельзя было позволить ему вот так уйти. – Кажется, я видела вас в газетах?

Ну же, отец.

– А вы и газеты читаете? Умная девочка.

– Так вы же Хулей! – ахнул наконец отец, возвращаясь к плану. Слава святым. – Из Кунсии?

– Да. – Глаза барона заблестели. Я подавила волнение.

– Какая удача, – сказал отец. – Я из «Тейн Юнайтед», из Гвинитаида. Управляю новой компанией по переработке леса. С удовольствием бы с вами пообщался. К тому же я вам должен за помощь моей дочке. Не поужинаете со мной?

Барон бросил взгляд на золотые карманные часы:

– Хорошо. Как вам ресторан «У Атцуи»? Тут за углом, на Семнадцатой.

Моя радость взмыла вверх, словно рыба, выскочившая на поверхность воды.

– Отлично. – Отец прищурился, глядя на собирающиеся в небе облака. – Там и встретимся тогда. Позвольте я сначала отправлю дочь обратно в отель.

Чего? Нет. Отец должен был взять меня с собой. Мне полагалось отвлекать барона на случай, если он что-то заподозрит.

– Пойдем, Афина, – сказал отец.

– А с вами мне нельзя?

Отец рассмеялся, но в его смехе проскользнуло что-то острое.

– Нет, это джентльменский разговор. До встречи. – Кивнув барону, он вывел меня с площади.

Как только мы завернули в переулок, я сорвала с себя безумно дорогую шаль:

– Почему ты не берешь меня на ужин?

– Ты ведешь себя неосторожно! – огрызнулся он, позволяя такой несвойственной мистеру Финвейнту нетерпимости просочиться сквозь маску.

– Ты про подтакта? Да я их даже не заметила, – соврала я. – Да и какая разница: мы же обманули и его, и барона. – Двоих самых опасных людей в Луисонне.

– Ты, может, думаешь, что все на свете знаешь, – сказал отец, – но это не так. А теперь иди домой, пожалуйста. – Он одернул лацканы пиджака и повел плечами, словно поправляя на себе личность мистера Финвейнта.

В животе свернулось нехорошее чувство.

– Ты же доведешь работу до конца, так? – Нам нужны были деньги.

– Да.

– А «Дебютантка»?

Его карие глаза вспыхнули, как искра кремня о сталь.

– Это в планы больше не входит.

Наказание, значит.

Несколько болезненных сердцебиений мы разъяренно смотрели друг на друга. Каждый удар угрожал сломать мне ребра.

Я была *хороша* в своем деле и могла держать Афины еще *несколько часов*. Могла помочь ему закрыть дело и убраться с этого паршивого острова. Но когда отец что-то решал, то никаким словом или действием переубедить его было нельзя. Спорами я только ухудшала себе жизнь.

По телу прокатилась знакомая волна усталости, и, стиснув кулаки, я превратилась обратно в Фирин.

– Вот и хорошо. – Он скрестил руки на груди. – Вернусь утром.

Развернувшись на каблуках, я зашагала прочь из переулка, чувствуя, как его взгляд буравит мне спину. Как он и ожидал, я отправилась в сторону округа Зет, но я продолжала обводить пальцами края документов Афины у себя в кармане.

Не хотел моей помощи – ну и пожалуйста.

Но «Дебютантку» я пропускать не собиралась.

Сцена шестая

Фирин

Тогда

Я прошла половину пути до Дна, прежде чем рискнуть свернуть с пути. К тому времени облака набухли настолько, что грозили вот-вот разразиться дождем. Петля из переулка в переулок, я вернулась в Округ управляющих. За каждый угол я заглядывала с опаской, высматривая отца. Мистера Финвейнта нигде видно не было, но на всякий случай я все равно надела новое лицо – не Афины и не свое собственное, – превратившись в обычную девушку из управляющих, с идеальной гладкой кожей.

Когда я ступила на отполированную мостовую Регентского холма, показалось, словно даже воздух вокруг меня стал спокойнее. Меньше разговоров. Меньше людей. Даже гроза, казалось, раздумывала – а не обойти ли это место стороной. Задрав подбородок, я старалась подражать другим управляющим вокруг меня, но что-то в моей маске напускного равнодушия дрогнуло. Ставский солдат, курящий у межрайонного контрольного пункта, оттолкнулся от стены и выпрямился, когда я подошла ближе. Задрав рукав, я показала ему синий браслет, и он снова ссутулился, потеряв интерес.

Поспешно пройдя мимо него, я выдохнула и опустилась на колени перед небольшой мраморной статуей императора, украшавшей площадь. На другой ее стороне развевался на ветру огромный рекламный плакат «Дебютантки», заставляя нарисованную на нем женщину плясать.

Все это было рискованно. Я уже несколько раз пробиралась в «Рояль» тайком, но только когда отец уходил на несколько дней. А на этот раз он был всего в паре кварталов от меня. Если бы меня поймали ставы, то посадили бы за нарушение границ или повесили за воровство. Но от них я умела ускользать. А вот если отец узнал бы, то просто убил бы меня своими же руками.

«Паника – твой враг, – говорил он всегда. – Уверенность – твой ключ.» Вытерев потные ладони о юбку, я выпрямилась и взглянула на «Рояль». Все у меня было под контролем.

Цепочка хорошо одетых зрителей просачивалась в дверной проем, охраняемый ставскими солдатами. Расправив плечи, я, излучая непоколебимую уверенность, вплелась в очередь. Было непросто заставить себя идти медленно, не привлекать к себе лишнего внимания. Казалось, прошла целая вечность, но я наконец-то завернула за угол здания и подскочила, хватаясь за пожарную лестницу.

Деревянные ступеньки стонали под ногами. Добравшись до верха, я уцепилась за край водостока и вылезла на крышу. Сразу над моей головой оказалось пять небольших окошек, украшающих следующий ярус. Петли на самом левом из них жалобно скрипнули, а затем поддались – замок все еще был сломан. Просунув голову между занавесками, я пригляделась к

темному коридору с низким потолком, а потом спрыгнула на недостроенный пол. Запах вельвета и масла, смешанный с потом и духами, делал воздух душным, пыльным и пьянящим. Доски пола пели под сапогами. Занавески упали, погружая меня в темноту, и я пошла вперед, ведя рукой по внешней стене коридора, пока пальцы не нащупали служебную дверь. Необработанная древесина укусила занозой, и я зашипела, посасывая палец.

За открытой дверью не было ничего – словно обрыв скалы на краю океана. Внизу ходили люди. Мурчали голоса, шелестела одежда. На позолоченной сцене сияли зажженные в полную силу масляные поддоны. Я поежилась от предвкушения. Успела.

Прямо передо мной в пространство над зрителями выдавалась широкая балка, часть несущей конструкции здания. Выбравшись на нее, я села и прижала колени к груди. С такой высоты мне было прекрасно видно сцену – куда лучше, чем если бы мы сидели в зале с отцом. От этой мысли больно закололо в груди, но я стиснула зубы.

Он меня бросил. Он не хотел тут со мной быть. Я не собиралась по нему скучать.

Еще одно преимущество такого зрительского места – никому не было видно моего лица. Отпустив иллюзию, я с наслаждением почувствовала, как разливается по костям облегчение. По крайней мере, мне не нужно было тратить половину сил и внимания на то, чтобы поддерживать этот образ все представление.

В театре погас свет. Зрители притихли. А потом огни сцены вспыхнули, приветствуя *дебютантку*. Сочьятова похитила мое сердце с первого же пируэта. Она порхала от кавалера к кавалеру, подстраивалась под шаг каждого партнера, а затем оставляла их, и я чувствовала их страсть каждой клеткой тела. Вздохи и смех прокатывались по зрительскому залу волнами, словно вода под портовыми досками. Я впитывала в себя каждое движение, откладывала в памяти, чтобы позже попробовать повторить. В какой-то момент я повернулась к мистеру Финвейнту, чтобы спросить, что это за стиль такой, сердзат, и чем он отличается от танцев Кируу, но меня встретила лишь темнота. Сжав кулаки до вонзенных в ладони ногтей, я вернулась глазами к сцене.

Когда на сцену наконец вырвалась настоящая любовь дебютантки, музыка замедлилась. Движения танцовщицы стали плавнее, словно само время приостановило ход. Новоприбывший подхватывал каждое движение Сочьятовой, и робость сквозила в каждом их синхронном па.

– Ты что тут делаешь?

От внезапного шепота я чуть из кожи не выпрыгнула.

Из маленького проема на меня шурился мужчина. В мою грудь впились изогнутые когти страха. Быстро рванувшись обратно по балке, я попыталась проскочить мимо, но он схватил меня за шаль, и та затянулась на горле. Вывернувшись, я бросилась бежать, бросив его с куском ткани позади.

– Стой! – По деревянному полу застучали ботинки.

Я зашарила в темноте, ища нужную занавеску. Если поймает, точно сдаст меня ставам.

– Эй, стой!

Распахнув сломанное окно, я вывалилась на мокрую крышу и душный от прошедшего дождя воздух. Оставалось только скатиться по влажной черепице к пожарной лестнице, но прежде, чем я успела добраться до края, на моем запястье сомкнулись чужие пальцы. Подошвы сапог заскользили. Я выгнулась навстречу преследователю, чтобы не упасть. Колени дрожали.

– Что ты тут делаешь? – требовательным тоном повторил он.

Моя шаль свисала из ладони с ободранными пальцами и поломанными ногтями. На запястье болтался выцветший оранжевый браслет. При взгляде на пару уставших глаз меня накрыло волной облегчения.

Он был из рабочих.

Он был молод, всего на пару лет меня старше, с торчащими из-под кепки кудрями цвета ржавчины. Все его щеки были усыпаны темными веснушками.

– Тебе тут быть нельзя, – сказал он.

– Так и тебе тоже, – ответила я с гвинским акцентом Афины.

– Ну конечно нет. – Его усмешка вспыхнула полумесяцем. – Но я все равно все спектакли уже видел. А вот тебя еще нет.

Я потянула руку:

– Пусти меня, а то закричу.

Он рассмеялся:

– И дальше что? Ты же явно не из управляющих. Любой став это сразу поймет. – Он провел глазами по моим дорогим сапогам, расшитым юбкам и, наконец, дошел до мозолистых рук – не рук Афины, – и только тогда я вспомнила.

Я сняла иллюзию.

Он смотрел на мое *настоящее* лицо.

Я отшатнулась назад, к краю крыши, к улицам – куда угодно, лишь бы убраться подальше от этой непростительной ошибки.

– Я бы не советовал, – сказал он.

Я замерла, занеся одну ногу над краем.

– Все зрители сейчас внутри, так что площадь будет полна солдат. Нодтакты тоже там. Увидят, как ты спускаешься, и им станет очень интересно, что такая милая управляющая делала на крыше. – На веснушчатой щеке появилась ямочка, но улыбка стала натянутой. – Жаль будет, если они узнают о сломанном окне, не думаешь?

В животе все кипело. Я то и дело переводила взгляд с него на лестницу и обратно. Инстинкты говорили мне шевелиться, бежать, убираться куда подальше. Будь я по-прежнему в полном образе Афины, ставы бы, наверное, даже помогли мне. Особенно увидев со мной рабочего.

«В этом мире каждый сам за себя. Ты тоже». Девятое правило.

Покосившись на парня, я почувствовала, как внутри все свернулось, и воззвала к рас-судку. Если бы я выбежала к ставам со своим лицом, они бы увидели меня насквозь. А пре-вращаться в Афину теперь, когда этот рабочий уже увидел мое настоящее лицо и потрепанные руки, было нельзя. Да, я многим рискнула, когда пришла сюда, но показывать кому-то свою трансформацию? *Никогда.*

Отец отказывался даже разговаривать об иллюзии.

Когда я была маленькой, стоило мне спросить, откуда у нас такая способность и у кого еще она есть, он хлопал дверью и закрывал меня в комнате. Когда он начал отпускать меня на самостоятельную разведку перед заданиями, я пыталась искать сама, но толком ничего не нашла. Казалось, словно мы были единственными людьми на земле, способными менять лица.

Со временем я наткнулась на легенды о восьми богах Киру, которые могли притворяться другими людьми и передавать божественные вести, притворяясь другом или членом семьи, но мы с отцом не были богами. Сначала я наивно боялась, что отец разозлил одного из богов, что иллюзия была их проклятием. А потом мне стало все равно. Какая разница, откуда мы взяли эту силу, ясно было одно – она была опасной. Ставы жестоко наказывали за поклонение любому богу, кроме их императора. Однажды на моих глазах трое солдат избili женщину, жившую в переулке под нашей кухней, потому что она утверждала, будто может разговаривать с гвинскими святыми.

Если бы ставы знали, что я могу менять лица, то назвали бы меня проклятой. И разорвали на мелкие кусочки.

Я осторожно вернулась на крышу. Рабочий выдохнул, потом стащил с себя куртку и кинул мне под ноги.

– Садись, – сказал он, плюхаясь на расстоянии чуть дальше вытянутой руки. – Жалко такое платье пачкать.

Мои щеки вспыхнули. Он явно думал, что одежду я украла. Чисто технически это было неправдой. Одежду Афины я покупала у швеи в Округе управляющих. А вот деньги, которыми я за нее платила, – это уже была другая история.

Я села на его куртку. Вокруг нас простирались волны крыш, поднимающиеся к особнякам баронов на холме и спускающиеся к трущобам на краю моря. Уходящая гроза оставила за собой сияющий над водой закат.

Рабочий снял кепку и прищурился, глядя на горизонт. У него было впалое, угловатое сложение, свойственное бедному классу, но было что-то на редкость непринужденное и спокойное в том, как он себя держал, словно ему в его теле было совершенно комфортно. На запястье без браслета сидели наручные часы, сломанные. Повернув голову, он заметил, что я рассматриваю его, и по моим ключицам растекся румянец. В его глазах что-то сверкнуло.

– Из тебя хорошая актриса, – сказал он. – Почти поверил, что ты из управляющих. Я Бреган, кстати.

Я посмотрела на потертый край рукава его куртки. Оливковая кротовая кожа, стандартный для рабочего класса материал – грубый, но плотный и теплый. Я не могла и вспомнить, когда последний раз разговаривала с кем-то без подвоха. Обычно я заводила беседы с людьми только в рамках разведки или работы. Впервые в жизни я была не подготовлена. У меня не было сценария. От этого по коже шли мурашки. Если я здесь ни с кем поговорить не могу, то что будет, когда я наконец-то окажусь в Иакирру?

Бреган откинулся на спину и потянулся словно кот, согнув одну ногу в колене. Когда он сцепил руки за головой, край его льняной рубашки задрался, обнажая полоску веснушчатой кожи. Мое сердце споткнулось.

«Когда не знаешь, что сказать, спрашивай».

– Ты... ты часто сюда приходишь? – спросила я, возвращаясь к своему родному бедняцкому островному акценту. Он и так уже понял, что я не из управляющих и не с континента.

– Каждый спектакль, – сказал он. – Иногда по несколько раз, если он хорош. Ты как окно нашла?

Несколько лет назад, когда отец совсем редко бывал дома, я изучила каждый уголок «Рояля», надеясь найти лазейку внутрь. Несколько недель прошло, прежде чем я обнаружила сломанное окно.

Я пожала плечами:

– Это было просто.

Он тихо хмыкнул. Шли секунды. Стало так тихо, что я чувствовала, как под нами гремит музыка «Дебютантки».

Бреган вздохнул:

– Ненавижу этот балет.

– Почему?

Он фыркнул:

– Дебютантка только и делает, что врет людям, соблазняет их, а потом бросает с разбитым сердцем.

– Она не врет. Она ищет свою пару.

Он вытаращился на меня:

– И как она собирается найти себе пару, если *она* постоянно подстраивается под чужие движения? Сочьятова хороша, тут не спорю, но история отвратная. Пятый акт вообще дурь полная. Лучше бы трагедию сделали.

Я впила пальцами в юбки. Я и сердзат-то еле знала, что уж там говорить о пятых актах или трагедиях. Глаза снова метнулись к краю крыши. Если не вернусь домой раньше отца, никаких танцев я больше не увижу.

– А зачем тогда пришел, если тебе так не нравится? – спросила я.

– Просто делать нечего. – Бреган пожал плечами, глядя на садящееся солнце. – Но это все равно плохой балет. Вот, скажем, «*Кун и Инсей*», – вот это я понимаю, история любви. Или «*Сердце свахи*». Даже «*Слезы вдовы*» и то лучше этого, а там такая печаль, что даже став бы расплакался.

Никогда не слышала ни одного из этих названий.

– Откуда простой рабочий столько знает о балете?

– А это не балет. Это театральные постановки.

По спине пробежал холодок.

Любой, кто стал бы играть в чем угодно, кроме сердзата, был бы казнен за измену.

– Театр же запрещен.

– Запрещен. – Лучи заката танцевали на лице Брегана, а он смотрел на меня заворуженно, словно это я была балетом и он не хотел упустить и секунды. Никто никогда на меня так внимательно не смотрел.

Я поежилась, но отворачиваться не стала.

– А другие акценты знаешь? – спросил он наконец. – У меня вот вечно с ними проблемы. Ма пытается научить меня Киру, но это же просто смешно. Как они умудряются произносить все согласные так четко?

Мои губы тронула улыбка.

– Да не так уж это и сложно.

– Значит, знаешь?

Наши взгляды встретились. Все это было очень опасно, но то, что затрепетало внутри меня, почему-то совершенно таким не казалось. Как же чудесно было просто позволять разговору зайти куда угодно. На лбу Брегана появилась морщинка, похожая на вопросительный знак. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, передумал, потом опять открыл.

Бам. Бам. Бам.

Я вздрогнула от раздавшихся вдали выстрелов. Когда же застучали ответные, я вскочила на ноги.

– Просто забастовка на обувном заводе, – сказал Бреган, но его голос тоже дрогнул.

Забастовка. Святые, надо было догадаться. Вот почему солдаты и нодтакты сегодня были повсюду.

– Видимо, начали раньше времени. – Бреган хмуро посмотрел в направлении звуков.

Я моргнула. Он что, был из реформистов? Ставы ненавидели рабочих радикалов.

– Мне нужно домой.

Я свесила ноги с края крыши. Неважно, где был отец и что он делал, – во время забастовок или бунтов он всегда приходил домой. Нужно было возвращаться *сейчас же*, если я хотела еще раз увидеть свет.

Бреган схватил меня за плечо, прежде чем я успела спрыгнуть на лестницу.

– Где твой дом? По крышам будет быстрее. Я проведу тебя через все контрольные. – В его темных глазах что-то пылало, словно ему правда было важно, чтобы я добралась домой в целости.

Мысли спутались от непривычного прикосновения. На площади под нами что-то кричал солдат. Управляющие разбежались по домам, создавая пробки на улицах. Я могла довериться Брегану, а могла рискнуть попасть под гнев отца.

Я взяла его за руку.

– На краю порта и Заводского, – соврала я. – Угол пятнадцатой и семнадцатой. – Достаточно близко, чтобы дойти дальше самой.

В ответ он сжал мои пальцы, и внутри меня что-то зазвенело.

Наши ноги застучали по черепице крыш. С «Рояля» мы перепрыгнули на соседний жилой дом, затем на следующую крышу. Мы шагали по городу поверху, а небо сменялось с яркого

розового на цвет фиолетового синяка. Бреган вел меня хитрыми петляющими путями, скрываясь из виду контрольных пунктов, словно городской потолок был знаком ему как собственные пять пальцев.

Солнце уже давно ушло за горизонт, когда он спрыгнул в пустой переулок и протянул руки, чтобы подхватить меня за талию. Когда он опустил меня на мостовую, его ладони разжались и скользнули на бедра. Голову окутал медовый запах с дымком, почти как от лавки пекаря, и каждую клетку моего тела словно бы опалило огнем.

Его лицо зависло над моим. Дом, о котором я ему соврала, возвышался за его спиной. Жилище для многих, только не для меня. Когда на его лоб вернулась знакомая морщинка, я сделала шаг назад. Он уронил руки, и ночь резко стала куда холоднее.

– Спасибо, – сказала я.

– Да не за... – Я кинулась на улицу.

– Эй, постой!

Несмотря на то, скольким я уже рисковала, я остановилась и обернулась.

Бреган потер шею ладонью:

– Как тебя зовут-то?

Во рту пересохло. В мозгу, видимо, тоже.

– Фирин. – Мое имя, которое так редко произносили вслух, звучало странно, зато на вкус было верным. Запретным, но правильным.

– Фирин, – повторил он, словно тоже пробуя его на вкус.

Голова пошла кругом.

Он шагнул ко мне:

– Завтра открывается новая постановка, через три часа после заката, в нескольких кварталах отсюда. Если хочешь, я тебя проведу.

Было сложно вдохнуть. Нелегальная постановка? Ночью, с кем-то другим. С кем-то, кому я только что назвала свое настоящее имя. С кем-то, из-за кого дрожь пробирала до самых костей. Все это было нереально. Невозможно. Словно танец на сцене «Рояль» – историю рассказывают, но не проживают. Уж точно не такие, как я. Но, может, в Иакирру все будет иначе. Может, это был мой шанс попробовать пожить *по-настоящему*, пока мы не сели на корабль.

– Я... я попробую.

– Хорошо. – Бреган взял мою руку и, глядя в глаза, коснулся кожи губами. – Увидимся завтра. Буду ждать у спичечной фабрики, которая сгорела пару лет назад, на южной стороне Заводского района. – Наклонив козырек кепки, он запрыгнул на какой-то ящик, забрался на крышу и исчез.

В моих венах пульсировал жар.

А потом раздался выстрел, и я бросилась бежать.

Даже мои короткие пути были забиты людьми. Плакали дети, шипели на них родители, хлопали двери. Сироты петляли по улицам. К округу Зет мне пришлось проталкиваться против течения потока бегущих рабочих, но кожа моя на бегу пылала по совсем неправильным причинам.

Когда я перебралась через канал на Дно и на ощупь взобралась по лестнице нашего дома, уже наступила полная темнота. Оставалось только молиться, что я не опоздала.

Я приоткрыла дверь.

На кухне было пусто. Только светили в окно звезды.

У меня вырвался булькающий смешок. Я сходила в «Рояль», завела новое знакомство, поговорила с кем-то как нормальный человек. И все это под носом у отца.

Завтра на закате.

Я должна была попытаться снова.

Сцена седьмая

Бреган

Тогда

Ма будет в ярости.

Множество голосов неразборчиво скандировало что-то по всему Заводскому району: хоровое возмущение перед лицом стремительно темнеющих сумерек. Бреган собирался добраться домой еще до начала забастовки, но уже опоздал по меньшей мере на час. Пробежав по крыше мыльного завода, он спрыгнул на соседний жилой дом и начал пробираться на юг, к себе, стараясь не вздрагивать от предупредительных выстрелов ставов.

Па был где-то там, протестовал ради прав рабочего класса и находился на грани ареста, но Бреган не мог перестать думать о Фирин. О ее упрямом румянце, о блеске в ее глазах, о цитрусовом привкусе кожи ее руки у его губ.

Сидя на крыше «Рояля», она казалась пугливой, как мышка, но за ее нервозностью он почувствовал нечто с когтями – нечто достаточно храброе, чтобы угрожать ему, достаточно наглое, чтобы своровать дорогую одежду и выдать себя за управляющую, достаточно смелое, чтобы пробраться в «Рояль» тайком.

Но когда началась забастовка, она выглядела удивленной. Он как-то и забыл, что еще остались люди, чьи сердца не бились в такт революции изо дня в день. Люди, живущие, не боясь, что их решение сопротивляться вот-вот опустится гильотиной на шеи членов их семей.

Бреган, как правило, не водился с людьми вне движения реформистов, но ему просто необходимо снова увидеть *взгляд* Фирин, тот, который был у нее на балке над сценой – до того, как он ее спугнул. Немигающее, замороженное гипнозом обожание. Большинство людей были неспособны так отдаваться зрелищу. И она заслуживала увидеть выступление, *достойное* такого внимания.

Снова выстрелы, на этот раз ближе. Бреган замедлил шаг.

Через несколько кварталов можно было разглядеть бастующих, набившихся на площадь перед обувной фабрикой. Над их головами торчали деревянные плакаты с лозунгами. Со всех сторон их обступала шеренга ставских солдат, поднявших пистолеты в небо. Из-за фабрики валили густые облака дыма, от которого вся ночь пахла паленой кожей. Бреган стиснул кулаки. Неужели жгли фабричные материалы?

«Все будет мирно», – сказал папа маме утром.

Пустые обещания, каждый раз одно и то же.

Развернувшись спиной к хаосу, Бреган перепрыгнул с пожарной лестницы на крышу таверны – и тут он увидел их.

Два десятка солдат в черной кожаной униформе собрались на крыше шляпной фабрики на другой стороне площади, вне поля зрения протестующих. Нодтакты. Нодтакты были сердцем ставской жестокости, зло в чистом виде, самые преданные и неприступные агенты режима. Они жили ради того, чтобы угнетать. И сейчас у них в руках были винтовки. Дальнобойное оружие, а не пистолеты, служившие предупреждением.

Они собирались стрелять по забастовщикам.

Бреган немедленно сменил маршрут. Кинувшись обратно к лестнице, он побежал к обувной фабрике. Когда он спрыгнул на площадь, безумие проглотило его, заглушая грохот сердца.

– Нет зарплаты – нет работы! – Люди скандировали так громко, что заболели уши.

Со всех сторон давили тела, вонь из пота, сажи и дыма душила. Растопырив локти в стороны, он пытался остаться на ногах, проталкиваясь в конец толпы, ища отца или любого другого лидера реформистов. С каждым толчком шеренги ставов по толпе прокатывалась волна.

Ставы окружали бастующих, сгоняли их в кучу.

Развернувшись, Бреган попытался рассмотреть шляпную фабрику. К горлу подкатила тошнота, все волосы на теле встали дыбом.

– *Луисони – это мы!* – выкрикнул чей-то глубокий голос. – Свобода или смерть! Свобода или смерть! – Это кричал румяный мужчина постарше, мокрый насквозь и стоявший на перевернутом ящике с окровавленным гаечным ключом в руке.

У Брегана перехватило дыхание. И почему Таидду вечно надо было накалять ситуацию? Он кинулся туда. Па наверняка был неподалеку.

– Бреган! – крикнул кто-то. – Ну наконец-то ты решил присоединиться. – Аддим Таидд, широкоплечий сын кричащего, улыбнулся ему во все зубы, такой же красный лицом, как его отец. Они выросли вместе, но Бреган не видел его уже несколько месяцев. Намеренно.

– Где па? – крикнул Бреган.

Аддим пожал плечами.

– Идем, надо попытаться оттолкнуть их назад. – Он пихнул что-то Брегану в грудь. Пистолет.

Бреган уставился на оружие. Потом помотал головой.

– Тогда чего приперся? – оскалился Аддим.

– На крыше шляпного завода сидит два десятка нодтактов, – сказал Бреган, указывая в ту сторону пальцем и отходя подальше от пистолета. – И у них у всех винтовки.

Аддим побледнел:

– Уверен?

– Абсолютно. Скажи лидерам.

– А чего *сам* не скажешь?

Бреган помотал головой:

– Я просто... не могу. – Ему нужно было домой.

Прежде чем Аддим успел возразить, Бреган растворился в толпе.

Он залез на балкон таверны, а оттуда – на относительно безопасные крыши, возвращаясь на знакомый маршрут. Вся кровь прилила к голове, колени ослабли. Через несколько минут трижды прозвонил колокол – сигнал бастующим разбежаться. Повисла пауза – а потом начался сущий ад.

Прогремели выстрелы.

Раздались крики.

Сотни ботинок застучали по дороге.

Бреган не стал оборачиваться. Не позволил себе думать об отце. Не сбавил шагу ни разу, пока не добрался до верфи. Огромные пароходы скрыли из виду залив, и он направился напрямиком к пожарному ходу своего здания – вместо главного входа. Основной лестницей Бреган уже много лет не пользовался – с тех самых пор, как ставы арестовали всю семью его дяди,

в отместку за неудачно брошенную бомбу. Обычно Бреган старался даже не проходить мимо двери, из которой став вытащил его ни в чем не виноватого двоюродного брата за горло. Чтобы не вспоминать. Но теперь память вернулась: крики, кровь, горестные всхлипы матери.

Взобравшись наверх, Бреган кинулся к окну их квартиры и распахнул его.

– Где ты *был*? – взвизгнула ма, вихрем проносясь через всю комнату.

– Я...

В плечи впились ногти.

– Ты пошел к ним, да? Пошел на забастовку.

– Ма...

Она встряхнула его:

– Ты не работаешь на фабрике. Это не твое дело...

– Да не ходил я на забастовку, ма! – рявкнул он.

Она замерла, тяжело дыша. У Брегана в груди все похолодело.

– Ох, солнце мое, – выдохнула она, притягивая его к себе.

Он обнял ее в ответ, и что-то в нем расслабилось, когда в нос ударил запах знакомого лавандового мыла. Она была в безопасности. Они были в безопасности. Пока что. Отпустив ее, он не взглянул ей в глаза. Вместо этого он бросил кепку на стол и достал пистолет, который па прятал за ящиком с углем.

Мама за его спиной резко втянула воздух:

– Что случилось?

Проверив патроны, Бреган вставил магазин на место. Па бы пожал плечами, отмахнулся, прикинулся бы, будто утаивание информации держит ее в безопасности или делает ее жизнь проще. Но Бреган не был своим отцом.

– Видел, как с десятков подтактов идут к фабрике, – сказал он. – С винтовками.

Когда он обернулся, ма словно заледенела.

– А твой па? – Правда плескалась в ее глазах: она все еще любила его, даже если и показывала это лишь перед страхом его смерти. Почему-то это Брегана совершенно не радовало.

– Я предупредил лидеров, – сказал он, садясь за кухонный стол их однокомнатной квартиры. – Уверен, скоро будет дома. – Им оставалось только ждать.

– Хорошо. – Ма запахла шаль посильнее. – Это хорошо.

Обняв себя за плечи одной рукой, она прижала к губам браслет из четок, который он смастерил для нее много лет назад. Она никогда его не носила, так как это было незаконно, но всегда цеплялась за него во время забастовок. Бабушка Брегана помогла ему сплести этот браслет из рыбацкой лески, когда он был еще ребенком; вместе они освятили четки молитвой святой Чийре – гвинской защитнице дорогих и близких.

Защита для семьи, единой кровью, сердцем и душой.

Одна нить на все три. Бреган не понимал, почему мать все еще хранит браслет. Святая Чийра не помогла его дяде и тете. Или его брату.

Сквозь стены очередная волна криков и выстрелов вдали казалась приглушенной, словно они сидели под водой, и ма снова развернулась к окну. Ее глаза стали стеклянными, отрешенными. Она часто так уходила в себя, когда не была на сцене или не ругалась с па. Иногда на несколько часов. Или дней.

Бреган винил во всем отца.

Несколько лет назад, когда ма узнала, что он вернулся к реформистам, па пообещал ей, что не будет делать всего того, за что прадедушку Брегана повесили, тетю изгнали, а всю семью дяди расстреляли. Пообещал, что бороться со ставами будет как можно более ненасильственными методами – забастовки, а не бомбежки, протесты, а не нападения.

Но последнее время забастовки все сильнее становились похожи на восстания, а реформисты снова начали шептать о революции. Пару недель назад, когда Бреган спросил об этом

па, тот ответил: «Луисонн живет на деньги богачей. Если на этот раз у нас получится переманить их на свою сторону, может, мы сможем изгнать ставов отсюда полностью, почти без кровопролития».

Бреган в такое не верил. У ставов все кончалось кровопролитием, и если па до сих пор этого не понял, то, вероятно, ему этого было не понять никогда. Уже три волны реформистов пытались свергнуть этот режим, и каждый провал заканчивался пролитой кровью их семьи.

Ма не была глупой. Она отказывалась связываться с реформистами, но знала, что происходит. Видела насквозь папины неубедительные обещания и недосказанности. Недоверие сжирало ее изнутри. Па обещал Брегану, что расскажет ей о новых планах продвижения революции, но пока так и не рассказал.

Если так пойдет и дальше, Бреган собирался сделать это сам.

– Я ходил в «Рояль», – подал он наконец голос. – Прости, что задержался.

Она отвела взгляд от окна:

– Смотрел «Дебютантку»?

– Ага.

В ее глаза вернулся огонек, и она села напротив, опершись локтями о стол.

– Ну разве концовка там не *ужас* полный? – Она улыбнулась ему, и он не мог не ответить ей тем же, даже если и вышло у него криво.

– Я на самом деле не знаю, – сказал он, пытаясь вдохнуть глубже. – Не видел концовку.

Я, ну... – Он потер ладони о штаны. – Встретил кое-кого.

– Тебя заметили? – прошипела она.

– Нет, нет. Она под крышей сидела. Нашла сломанное окно, я так понял.

– А, вот как? – Ма вскинула брови. – Симпатичная?

Бреган не удержался и покраснел.

– Ну мам!

Ее улыбка стала шире.

– Расскажи мне *все*.

Бреган повертел пистолет на столе:

– Она не из наших.

– И что? У тебя может быть жизнь вне этого движения, Бреган.

Вот только он не был так в этом уверен.

Сцена восьмая

Фирин

Сейчас

Грохочущие за спиной крики преследовали меня всю дорогу от порта, но я всю жизнь водила нодтактов за нос. Куртку ткачихи я бросила, волосы распустила, сменила лицо и скрылась знакомыми путями по крышам города. Взбираясь на одно здание за другим, я удалялась все дальше от воды. Солнце опустилось за горизонт. Резко похолодало.

Дурное предчувствие тянуло меня к земле, словно якорем. Если нодтакты узнают, на какой корабль я купила билет, сбежать будет куда сложнее. Но об этом можно было поволноваться утром.

Сначала нужно было пережить ночь.

Добравшись до площади Сове́ста и присев в тени складской крыши, я очень быстро нашла место проведения нового спектакля «Игроков». Огромный заброшенный киррский храм и его длинная, узкая колокольня занимали собой значительную часть района. Витражи на окнах были заколочены досками, но сквозь них пробивался еле заметный свет. В воздухе дрожало эхо беспокойных ног и голосов.

Я наблюдала за храмом около часа, старательно изучая каждое лицо, появляющееся из боковых дверей или исчезающее за ними. Некоторые оказались мне до боли знакомы. Большинство, впрочем, были новыми. Бре́гана среди них я не увидела. Узел в моей груди затягивался все туже с каждой секундой, что я не находила его, но я игнорировала это ощущение.

Место точно было то, но что-то на задворках моего сознания беспокойно ворочалось. Директор «Тайных Игроков» всегда свою сцену скрывала с огромной тщательностью, а здесь знаки их пребывания сквозили из всех щелей. Труппа либо разболталась, либо обнаглела.

Зрители приходили парами или небольшими группами, заходя внутрь через задние и боковые двери с неравными промежутками. Достав зеркальце, я сменила лицо под стать девушке, которая уже несколько раз входила в храм и выходила обратно: мягкие изгибы, некрупные черты, тонкие светлые волосы. Увидь меня кто при свете, точно заметили бы отличия, но я не собиралась никому показываться.

Покинув укрытие, я обошла площадь по крышам, подбираясь ближе к храму. Взобравшись по крутой черепице, прошмыгнула в колокольню и открыла тяжелый люк под отполированным колоколом. Тот заскрипел, выпуская на свободу рев зрительского зала и поток воспоминаний: крутящиеся друг вокруг друга актрисы, целая комната сердец, которые словно тянули за одну единую ниточку, жар тела Бре́гана, прижимающегося к моей спине. Каждая картинка колосась тысячей иголок, но я стряхнула их все.

Мое будущее было по ту сторону моря.

У подножия колокольной лестницы светился контур двери. Она была чуть приоткрыта и вела на балкон: идеальное место, чтобы посмотреть спектакль. Но стоило мне толкнуть ручку, как стены перестали дрожать. Толпа затихла.

– Леди и джентльмены, – сказал кто-то. – Наконец-то настал день возмездия.

Повисшее в воздухе напряжение лопнуло от радостных криков. Сквозь щелку двери едва получалось разобрать мужчин и женщин в костюмах, важно взирающих на ряды скамей с рабочими, зетами и даже управляющими, – все они улюлюкали, вскидывая к разбитым витражам оружие. Гарпуны, ножи. Более десятка разных видов огнестрела.

Я отшатнулась. Это был не спектакль.

– Скоро здесь будет еще больше ставских тиранов! – закричал мужчина внутри. – Но на этот раз мы готовы. На этот раз с нами наши соседи. Мы захватим их лидеров. И сделаем их кровавым примером. – От хора голодных голосов содрогнулся весь храм – и моя грудная клетка.

Это был не просто реформистский мятеж.

Это был переворот.

Нужно было попасть на корабль. Если капитан почует неладное – она может уплыть и раньше, наплевав на портовые разрешения. Может, у меня даже получилось бы проскочить на борт, пока ставы заняты другим. Не стоило сюда приходить. Вообще не надо было так далеко уходить от порта. Поспешно взбираясь вверх по лестнице, я чуть не сорвалась на половине и ударилась подбородком о ступеньку.

Сосредоточься, Фирин. Облизнув разбитую губу, я выскочила из башни.

– Шури?

Споткнувшись, я чуть не упала с крыши. Рухнув на четвереньки, я подняла голову. На коньке крыши сидел, настроженно замерев, рыжий мужчина. В глазах потемнело.

Бреган.

Он был так близко, впервые за очень долгое время, что меня встряхнуло, словно от встречи с самой смертью. В первый раз за последние четыре года я чувствовала себя по-настоящему, непередаваемо живой. Словно повинуюсь какому-то неземному притяжению, я встала ему навстречу.

– Ты что тут делаешь? – Он прищурился, и я замерла. – Я думал, ты с Мезуей в порту.

Шури. Лицо, которое я украдала. Лицо, которое было на мне надето.

– Уходи лучше. Ставы вот-вот попадутся в нашу ловушку.

Я бы не смогла ответить ему, даже если бы попыталась. Не могла пошевелиться. Не могла думать. Могла только смотреть на то, каким он стал непривычно широкоплечим, на новые морщинки у бровей, на кудри под кепкой, ставшие короче, чем я когда-либо их видела, на веснушки, покрывшие лицо, такие печальные и чужие. Оливковая куртка была до боли знакомой, но рабочая одежда оказалась грязной и рваной, словно он совсем перестал о ней заботиться. Это был он, но не он.

Боль пробрала меня до самых костей. Как же мне хотелось коснуться его, изучить его новый облик, придать смысл всем его неправильным чертам.

– *Иди, Шури.* – Он закинул ружье на плечо с такой легкостью, словно всю жизнь держал в руках оружие.

Я сломалась. Сердце обожгло кислотой, и ее ядовитые пары ударили мне в глаза. Я не могла отпустить его. Я не могла уйти. Как же глупо было думать, что я смогу прийти сюда и не захотеть остаться на этом проклятом святыми острове.

Ниточка иллюзии начала выскользывать из пальцев.

– Бреган...

– Черт. Пришли.

Он посмотрел мне за спину, и моя голова сама по себе развернулась в том же направлении, словно за брошенной наживкой. Корабли. Десятки кораблей, пестрящие радугой разных парусов и знамен, окрасили горизонт. С них в залив спустились сотни лодок. С тех в порт хлынула тысяча солдат.

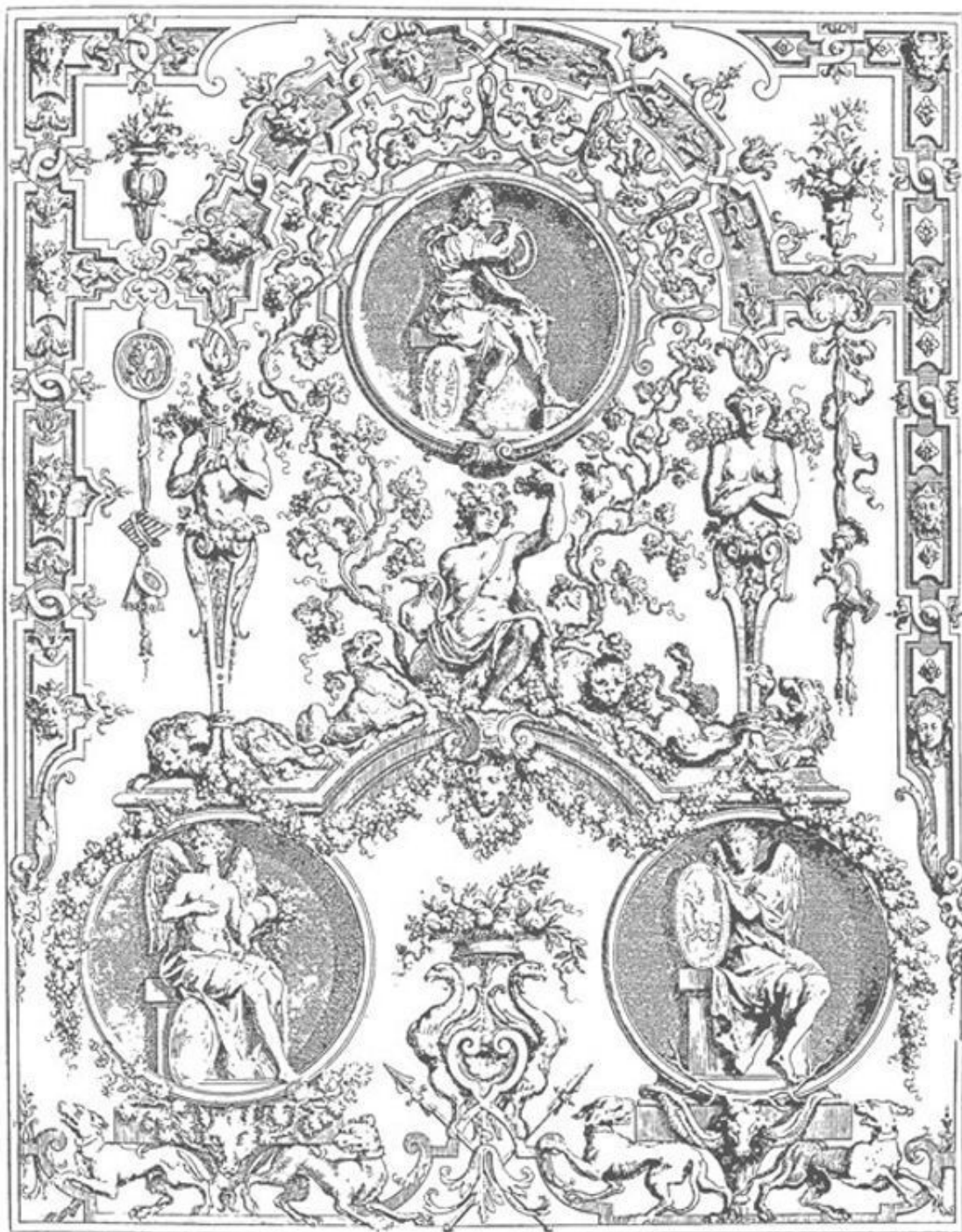
Залп пушечного огня разорвал ночь, словно гром и молния.

А ближе к нам, гораздо ближе, на площадь Совеста, ворвалась темно-синяя волна ставских солдат. Двери храма распахнулись, озаряя нападающих кроваво-оранжевым светом. Один из ставов вскинул оружие и выстрелил. В ответ прогремел десяток выстрелов реформистов.

– Уходи, Шури! – рявкнул Бреган.

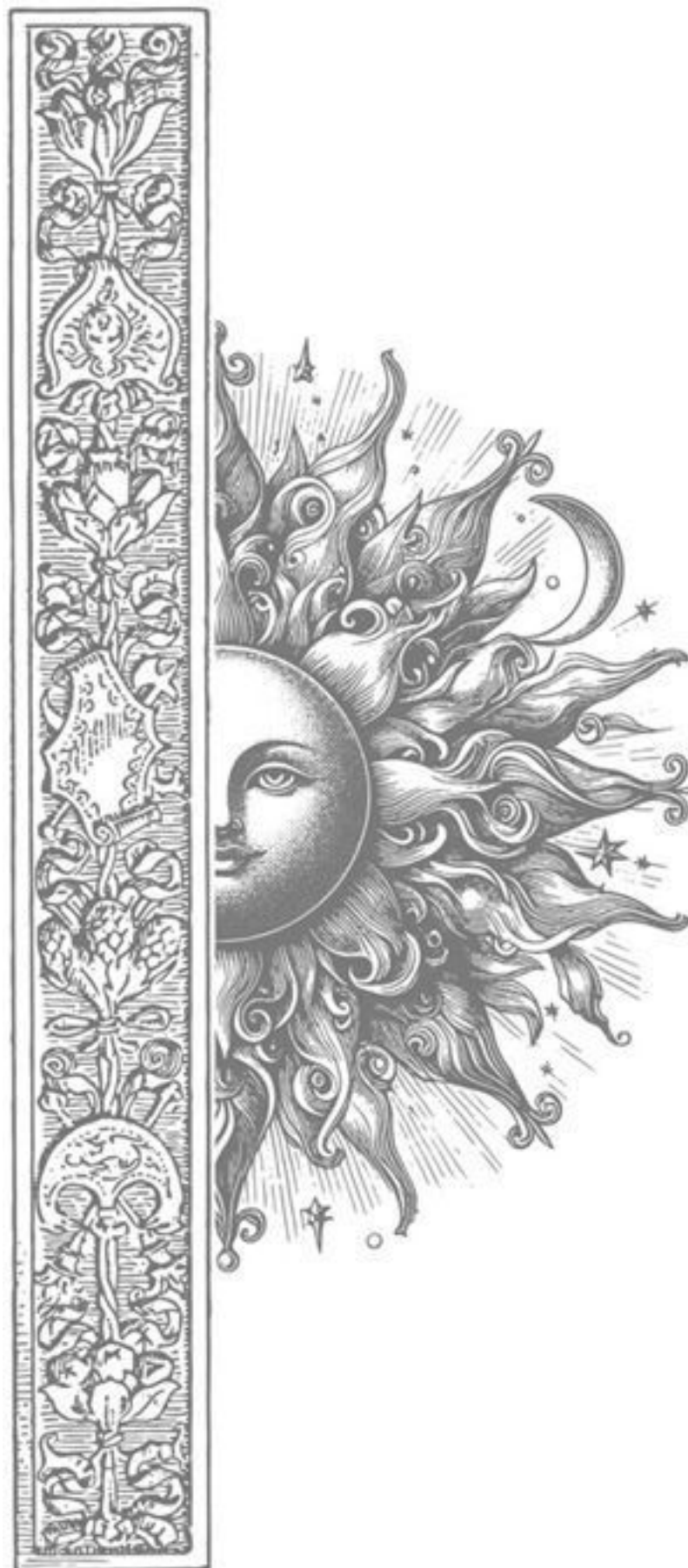
На площади под нами схлестнулись две враждующие стороны.

АКТ II

АКТ II

Сцена девятая

Фирин

Тогда

На следующее утро после авантюры с бароном Хулей отец так и не пришел домой.

Впервые на моей памяти он не заглянул проведать меня во время забастовки. Сначала я решила, что он просто с бароном. Уважительная причина, чтобы задержаться. Но к обеду я начала метаться по комнате. К вечеру мне было тяжело дышать. Жар паники почти целиком затмил собой восторг от знакомства с Бреганом – и тут в коридоре раздались шаги.

Знакомый неровный ритм. Адреналин в венах превратился в колючую проволоку. *Мизак*, образ портового рабочего. Мизак был опекуном, никак не отцом и не тренером. Он для меня был никем, я для него тоже. Мы просто существовали в одном пространстве.

Если отец был Мизаком, значит, он совершенно не собирался разговаривать со мной о бароне – и о том, как он меня прогнал.

– Гребаные реформисты... – невнятно протянул он, вваливаясь в дверь и качаясь на пороге.

Волосы его иллюзии были грязными, в складках рваной одежды собралась сажа. На меня он взглянул мутными глазами. В то, что он был по-настоящему пьян, я не верила, так как отец никогда не позволял себе терять контроль, но от одного его вида я все равно стиснула зубы.

Ты где был? Вот что мне хотелось крикнуть. Но провоцировать эту личность было опасно.

Мизак тяжелым неровным шагом направился ко мне, и я отскочила в сторону, пропуская его в спальню. Там он должен был открыть тайник под половиной доской и спрятать туда собранные деньги, хоть как-то показать мне, успешно ли все прошло с бароном накануне, но нет. Только сорвал с одной из вешалок фланелевую рубашку и натянул ее.

– Я пошел. Утром увидимся.

И он действительно ушел.

Я уставилась на закрывшуюся за ним дверь. Дело провалилось? Как долго нам еще предстояло торчать в Луисонне? Я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Порой для удачной сделки требовались дни, даже недели переговоров с целями. Может, он просто еще не закончил.

Вопросы без ответов лежали в груди тяжелой горой угля.

И если бы я осталась сидеть там, в тишине, они прожгли бы во мне дыру.

Пинком открыв дверь в спальню, я влезла в платье, нанесла на запястья немного духов из лимонного масла – такое носили рабочие девушки. Потом поставила карманное зеркальце

на стол и скрутила непослушные волосы в гладкую косу. Закончив, я окинула себя взглядом: льняное платье в гвинском стиле, тонкий коричневый свитер, оранжевый браслет.

Фирин, рабочая девчонка.

Поежившись, я закрыла зеркала.

Спустившись по темной общей лестнице на ощупь, я вышла навстречу вечеру. Обычно в это время на Дне кипела жизнь, но после вчерашней забастовки на обувной фабрике на улицах повисла мертвецкая тишина. Не было слышно играющих детей или хохота гуляк. Несколько людей расходились по домам, с хмурым видом глядя себе под ноги. Улицу поспешно перебежал пес.

Легкий дождь сопровождал меня по грязной дороге в сторону рабочего района. Нужно было торопиться, если я хотела встретить Брегана до начала спектакля. Чем ближе к границе, тем становилось тише. В животе все сводило. Забастовки реформистов обычно длились днями. Эта же закончилась, не успев начаться.

– Эй. – Слово ударило меня, словно брошенный из тени камень, и я замерла на месте. Из дыма вынырнул тощий ставский солдат с мокрыми волосами, прилипшими к щекам. – Куда собралась?

Контрольный пункт на границе районов.

Я вытащила из кармана свитера поддельные рабочие документы, но он толком на них и не взглянул.

– И что рабочая девушка делает в Зете? – Он обвел меня взглядом от косы до ботинок.

Я покосилась на улицу, но мы были совершенно одни. Капли дождя скатывались с подбородка.

– Потерялась.

Солдат хмыкнул:

– Да что ты.

Когда он шагнул вперед, я отшатнулась назад, и тут мне стало видно их: десятки тел, покачивающихся перед обувной фабрикой, так близко друг к другу, что они сталкивались плечами. Ставы повесили бунтарей.

– Меня отец ждет! – выпалила я, как будто это могло мне как-то помочь.

Не в силах оторвать взгляда от трупов, я даже не заметила движения, пока не стало уже слишком поздно. Пальцы солдата сомкнулись на моем горле.

– Ничего, подождет твой отец, – сказал он, вжимая меня в кирпичную стену.

Его вес навалился на меня, в рот хлынул запах виски, грубые пальцы скомкали воротник платья и, даже не успев толком осознать, что происходит, я обнажила спрятанный в кармане нож, словно кошка когти.

И ударила вслепую.

Он взревел, когда лезвие вспороло ткань и кожу. И еще раз, и еще. Хватка ослабла, и я бросилась бежать. Плеча ботинками по лужам, я неслась к ближайшему повороту, пытаюсь обогнать биение собственного сердца. Бежала, не задумываясь куда, поворачивая и поворачивая, пока не осознала, что поднимаюсь выше по холму. Нужно было развернуться, идти домой, но я не хотела рисковать наткнуться на того же солдата снова. Впереди было безопаснее.

Когда я добралась до площади, на которой должна была встретиться с Бреганом, то едва могла думать. Спотыкаясь о скользкие камни мостовой, я отчаянно искала его, но на улицах было пусто. Заводы и фабрики возвышались вокруг меня, словно дремлющие чудовища из гвинских сказок. Где-то неподалеку стукнули подошвы о камень. Споткнувшись окончательно, я упала на стену здания и шлепнула рукой о кирпич, чтобы удержаться на ногах.

Рука была красной.

Пошатнувшись, я уставилась на свои алые ладони. Дождь чертил в крови ручейки. Я ударила ставского солдата ножом. Даже не знала толком куда. Нож у меня был маленький,

но под правильным углом мог нанести существенный урон. Стянув с себя свитер, я принялась отчаянными, дергаными движениями оттирать с рук кровь.

Святые, я же была умнее этого. Не просто же так я никогда не гуляла одна в рабочем образе. Горло обожгло кислотой, я зарычала. Ставы брали что хотели, делали больно любому, кто пытался сопротивляться, прямо как их император. Если бы тот солдат был не один...

Я ненавидела этот город.

В темноте кто-то засвистел. На крышу поблизости спрыгнула фигура, и я отшатнулась прочь, пока не услышала голос Брегана:

– Фирин? Я уже подумал, ты не... *Твою ж*, что случилось? – Он подбежал ко мне, глядя на окровавленный свитер.

При виде него внутри меня сломалась какая-то стена и по всему телу разлилась дрожь. Он выглядел не так, как до этого, – теперь его волосы были чисто вымыты, а вместо одежды рабочего на нем была туника с сине-желтым узором. Шнурки на груди были развязаны.

Он медленно поднял руки перед собой:

– Ты ранена?

Говорить было сложно, так что я покачала головой.

– Ставы? – спросил он.

Я кивнула.

– *Ублюдки*. Иди сюда. – Стоило ему осторожно коснуться моей руки, как клетка ребер разжалась, вновь пропуская в легкие воздух.

Он отвел меня к одному из зданий, массивному силуэту спичечной фабрики, сгоревшей пару лет назад. Завернув в боковой проход, он посадил меня на сломанный ящик. Здесь все пахло старым сырым пеплом, и вокруг ничего не было видно, кроме небольшого участка, залитого приглушенным лунным светом из открытой двери.

– Вот от этого придется избавиться, – сказал Бреган, забирая свитер, словно уже делал так бесчисленное количество раз.

Когда он начал расшнуровывать тунику, я дернулась. Он приостановился.

– Твое платье, – тихо сказал он.

Я опустила взгляд на себя. Весь мой торс был забрызган кровью. Нужно было как-то избавиться от костюма так, чтобы не заметил отец.

Когда Бреган протянул мне свою рубашку, в груди все сжалось. Я влезла в поношенную цветную ткань, и от его сладкого запаха с ноткой дыма зашипало глаза. Полностью зашнурованная, туника скрывала кровь целиком. Бреган быстро вернулся с мокрым платком.

– Уверена, что не ранена? – спросил он, присаживаясь на корточки.

– Уверена, – выдавила я из себя.

Забрав платок, я стерла остатки крови с рук, а потом отчистила нож и спрятала его в рукав. Бреган наблюдал за мной. Я ждала, пока он начнет задавать новые вопросы, но он молчал. В тусклом свете были видны открытые майкой стройные, но сильные руки, усыпанные веснушками. Ладони он сжал в кулаки на коленях, словно не зная, куда их деть. Они дрожали. Я впервые задумалась, знал ли он кого-нибудь из людей, повешенных у обувной фабрики.

– Прости, – тихо сказал он. – Надо было зайти за тобой самому.

Я моргнула:

– Но ты ни в чем не виноват.

Он сглотнул, словно бы не соглашаясь.

Увидь меня сейчас отец, он бы кричал, обвинял и поучал. Это была *моя* вина, что я заявила на контрольный пункт ночью. А Бреган почему-то винил себя.

– Нет, правда, – настойчиво повторила я. – Если бы я не...

– Покажу тебе путь по крышам сегодня, – перебил меня он. – Так безопаснее.

Поколебавшись, я скомкала в пальцах края рукавов платья.

- Хорошо. Спектакль уже начался?
- Еще нет. Все еще хочешь посмотреть?

Я кивнула, и на его щеке появилась ямочка. Поднявшись на ноги, он протянул мне руку. Когда я взяла ее, его мозоли щекотали ладонь.

Так, держась за руки, мы направились глубже в фабричные руины. Было так темно, что я не видела даже собственного носа, но он шел с отточенной уверенностью. Вскоре пол задрожал от гула.

- Сейчас вверх, – сказал он.

Заскрипели ступени. И мы вышли в залитый светом мезонин, набитый людьми.

- Пардоньте, – повторял Бреган снова и снова, расталкивая всех локтями.

Меня он чуть приобнял за талию, чтобы провести сквозь толпу, и я склонилась к его груди. Никогда раньше не показывала свое настоящее лицо там, где было так много людей. Без иллюзии я чувствовала себя настороженной, живой, обнаженной, словно стояла на берегу совершенно голый.

Мы пробились к самому ограждению, откуда открывался вид на старый фабричный зал, тоже забитый народом, за исключением прямоугольника посередине, где возвышалась грубо вытесанная башня замка.

– Так, а ну-ка, погодите, – сказал кто-то с сильным ворставским акцентом, и мое поле зрения заслонила седеющая борода. – Это еще кто?

Рациональное мышление меня покинуло.

- Вот, сэр, – выпалила я. Имя с поддельных документов, которые я взяла с собой.

Огромный мужчина нахмурил брови... а потом разразился громким смехом. Я аж подскочила, и гулкий звук точно привлек внимание всех стоящих на мезонине. Вся суровость ушла из его лица.

– Новые друзья, – сказал он, обхватывая мою ладонь своей. – Вы только посмотрите. Я Тэз. Рад встрече, юная аза.

Я вспыхнула, услышав ворставское обращение к женщинам выше классом. Он не был ставским солдатом – он просто был из Ворстава. В Ворставе количество слогов в вашем имени означало ваш класс. Он был зетом. А не угрозой. Я попыталась выдохнуть.

- Ваши родители из Ворстава? – спросил он, улыбаясь до самых глаз.

Я сглотнула. Вот была ворставкой, из рабочего класса.

«Детали становятся правдой, когда их замечают».

- Да.

Покосившись, я поняла, что Бреган смотрит на меня, вопросительно нахмурившись. Ему я представилась как Фирин.

«Пожалуйста, не говори ничего», – взмолилась я мысленно.

Прошла доля секунды; он повернулся к Тэзу:

- Она никогда не была на спектакле.

Тэз ахнул:

– Ни разу?! Ну, тогда вам повезло. Мне пора за сцену, но твоя ма передавала, чтобы ты зашел к ней после выступления. Бреган, хорошо?

Как только он ушел, вопросительный взгляд Брегана прожег мне затылок. Я знала, что мне нужно что-то сказать. Как-то объяснить.

– Садись, – сказал он, просовывая ноги сквозь прутья ограждения и болтая ими над головами зрителей внизу.

Протянув руку, он коснулся моего оранжевого браслета рабочей:

- Можешь снять. Тут их никто не носит. Общеклассовое место.

Общеклассовое? Я вспомнила тела, болтающиеся перед обувной фабрикой, почувствовала пальцы солдата на своей шее. Руки покрылись мурашками, но я убрала браслет в карман. Опасно, да – но выделяться было бы еще хуже.

– Вот? – спросил Бреган, заглядывая мне в лицо.

Я просунула ноги сквозь прутья.

– Занервничала. Он звучал как...

– Ставский солдат? – Он лениво приобнял один из прутьев. – Тээ один из наших лучших актеров. Играет с тех пор, как Мезуя собрала труппу.

– А, – сказала я. И задержала дыхание, думая, что он начнет копать дальше, но он только пихнул меня локтем и показал на декорацию замка внизу.

– Помогал мастерить эту штуку, – сказал он. – Одна из наших самых больших декораций. Много их делать сложно, так как мы постоянно переезжаем. Смотри, свет уже гасят.

Фабрика погрузилась во тьму. Нога Брегана прижалась к моей. Посреди комнаты внезапно вспыхнул круг света. Взвывла скрипка. В круг впорхнули две одинаковые танцовщицы. Смоляные волосы спадали волнами на крепкие, фигуристые тела обеих смуглых женщин, и они кружились, кружились так, как не двигался ни один танцор сердзата. Они были похожи на два языка пламени, мерцающего и соблазнительного.

– Шаста, дорогая моя, слышала ли ты новости? – На сцену вышла потрясающе красивая женщина с элегантной осанкой и темными острыми скулами.

– Это Мезуя, – прошептал мне Бреган, обжигая дыханием ухо, – а вот это моя ма.

К первой женщине вышла вторая, веснушчатая и рыжая, совсем как он. Я наклонилась, пытаюсь найти угол обзора получше, и столкнулась с Бреганом руками.

Дыхание перехватило. Я не пошевелилась, и его пальцы осторожно накрыли тыльную сторону моей ладони. Мы уже держались раньше за руки, когда он вел меня, но это было что-то другое. Почему-то закружилась голова, и я перевернула руку ладонью вверх, переплетая наши пальцы на его колене.

– Лучше шанса и представить нельзя, – промурлыкала мать Брегана, негромко, но достаточно, чтобы ее голос отдался от стен, и запрокинула голову, озаряя свое безумие светом прожектора. – Сами боги улыбаются нам!

В вихре мести, разочарований и вкуснейшей трагедии я словно бы ожила. Не могла глаз оторвать от актрис, от того, какими очевидными, но реальными были их маски. Они вставали в странные, ненатуральные позы, чтобы их лучше было видно зрителям. Их голоса были слишком громкими – чтобы слышно было всем.

Это было так непохоже на трансформации отца. Это не было иллюзией. В очевидности лжи заключалась правда. Зрители знали, что перед ними маски. В этом знании была магия. Это было самое прекрасное, что я видела в своей жизни.

Бреган смотрел на меня больше, чем на сцену. Улыбался каждый раз, когда я подпрыгивала, шептал мне разные факты об актерах и технической стороне постановки и не переставал гладить большим пальцем тыльную сторону моей ладони, рассыпая залпы искр по руке.

Овации пришли куда быстрее, чем мне хотелось бы. Вспыхнули газовые лампы. Оторвав взгляд от сцены, я подняла глаза. За время спектакля мы словно срослись вместе. Моя спина наполовину лежала на его груди. Глаза Брегана стали темными, словно небо между звездами. Взгляд опустился на мои губы, поднялся обратно.

– Тебе понравилось? – спросил он, проводя пальцем по моей ладони.

Внутри свернулось что-то горячее.

– Понравилось? – выдохнула я.

Мне казалось, словно я всю жизнь страдала от жажды и впервые попробовала воду. Когда я улыбнулась, он ответил мне тем же, словно моя радость перекинулась на его собственное лицо. Мое сердце забило сильнее, наполнившись чем-то похожим на голод.

Вот что я могла бы делать. В чем я могла быть *хороша*.

Я хотела быть актрисой.

Хлопки стали громче, обращая наше внимание обратно к сцене. Актеры выходили на сцену по одному и кланялись, пока ведущий объявлял их имена. Самые звездные актрисы – «Мезуя Бентея!» и «Эсмаи Нимсаирт!» – вышли на поклон последними.

Когда они выпрямились, то перевоплотились. Это не было сбросом иллюзии, но было очень на то похоже. Плечи Мезуи расслабились, улыбка Эсмаи смягчилась, их осанки стали чуть менее прямыми. А затем, с усмешкой, граничащей с хихиканьем, Эсмаи сгребла Мезую в объятия.

Поток зрительской любви хлынул вновь, разделяемый смехом, словно волны, разбивающиеся о каменистый берег и накатывающие с силой прилива.

Мезуя изящно вывернулась из хватки Эсмаи.

– Спасибо! – сказала она уже с киррским акцентом. – Мы очень благодарны.

Когда овации начали стихать и восторг сменился разговорами, я уставилась на свои пальцы в руке Брегана, на веснушки на его коже. Я чувствовала себя такой живой, какой бывала, только когда работа шла не по плану, когда казалось, что от моего следующего действия перевернется вся моя жизнь. Но, для разнообразия, на этот раз моя жизнь не была под угрозой – и я никого не обманывала. Вот такая вот жизнь ждала меня в Иакирру?

– Лучше «Рояля», скажи? – Бреган отстранился от меня.

Я резко развернулась к нему:

– Ты... ты за кулисы пойдешь?

Он наклонил голову набок:

– А что, хочешь со мной?

– Да. – Отчаянно.

Мелькнула ямочка на щеке, и он помог мне встать. Держа ладонь на моей спине, он провел меня сквозь забитый мезонин к выходу, но не к тому, через который мы вошли.

– Спасибо, спасибо, – сказала со сцены Мезуя, когда мы нырнули в коридор. – А теперь, прошу, давайте почтим минутой молчания мужчин и женщин, которых мы потеряли во вчерашнем...

Рука Брегана чуть сорвалась, и я поняла, что остановилась.

– Что? – спросил он, лишь силуэт в темноте.

Театр был частью движения реформистов. Надо было догадаться. Его рука дрогнула.

– Блин. Надо было сказать тебе вчера, но в суматохе я...

– Все нормально.

– Нет, не нормально. Ты заслуживала знать, чем рискуешь, приходя сюда.

– Да нет, правда, все нормально. – Я и так рисковала, приходя на нелегальный спектакль.

Надо было просто быть осторожнее со своим образом – осторожнее, чем до этого.

С каждым шагом зрительский зал оставался позади, зато впереди раздавались новые голоса. Радостный смех, высокий, низкий. Расслабленные, восторженные голоса щекотали кожу и манили к себе. А потом Бреган толкнул вращающуюся дверь, и мы попали в ошеломительную бурю ощущений.

От стены до стены здесь висели костюмы, такие яркие, что даже сигаретный дым и облака пудры не могли их заглушить. У десятков зеркал суетились десятки людей. Ближе всего к нам сидели танцовщицы-близнецы, и под их запахнутыми халатами виднелись красные сорочки, плавающие на обнаженной коже. Все мое тело вспыхнуло, но Бреган протаскил меня дальше.

– Бреган! Вот! – прогудел Тэз.

Его расстегнутый костюм являл взору белый лохматый живот.

– Ма видел? – спросил Бреган.

– Ну здравствуйте.

Бреган развернулся, хватая меня за руку:

– Ма, это...

– Вот, – сказала я.

Эсмаи Нимсаирт расплылась в такой яркой улыбке, что мне пришлось заморгать. Если Бреган был огнем в очаге, то она была восходом солнца над морем.

– Приятно познакомиться, Вот. – Она поправила тонкий халатик на плечах, и ее глаза метнулись к рубашке Брегана – которая все еще была на мне, – а потом к сыну. – Откуда ты, милая?

– Мой па в текстилях работает. – Ложь вышла легкой, словно мед, сваренный на задворках сознания после ошибки с Тэзом. Хлопковая фабрика как раз была неподалеку от места, где Бреган оставил меня прошлой ночью.

– Понимаю. Ну и как тебе?

– Это было великолепно. В смысле ваша игра. То, как вы притворились подругой королевы, хотя просто использовали ее, чтобы подобраться поближе к королю.

Она вскинула брови:

– Как наблюдательно. А что же королева? Не думаешь, что она тоже немного использовала меня?

– Ладно тебе, ма. Не допрашивай ты ее. – Бреган коснулся моего локтя. – Пойдем.

Но Эсмаи пригвоздила меня к месту глазами цвета морского стекла. В ее внезапной внимательности было любопытство, был вызов. Словно весь мир не кружился вокруг нас ураганом звуков и красок. Ей был важен мой ответ.

Я попыталась придумать что-то умное.

– Ну, я...

– Эсмаи, Эсмаи, Эсмаи, – раздался голос Тэза. Все веселье большого ворставца испарилось. – Барон с верфи пришел поговорить с лидерами.

– Ч-что? – заикнулась Эсмаи. Кожа под веснушками побледнела.

– Проклятье, – выдохнул Бреган, словно во что-то влип.

Мать быстро поймала его взгляд. Он сглотнул.

– Где? – Эсмаи развернулась, но это было очевидно.

Вся комната смотрела на второй выход, где другая актриса и директор, Мезуя, стояла в полутьме рядом с мужчиной с зачесанными волосами цвета соломы. Идеальный костюм, цилиндр в руках.

Барон Хулей.

Внезапно все цвета в комнате стали ослепительны. Запахи удушали. Слишком много людей. Слишком много глаз.

Только прошлым вечером папа дурил этого барона, и я ему помогала.

– Эй, – пробормотал Бреган, – ты в порядке? Ты что-то...

Расталкивая людей, я протиснулась к противоположной двери и выскочила в коридор. Лицо горело, словно бы напоминая мне, что оно обнаженное, настоящее. На мне не было иллюзии. Барону никак было меня не узнать. Но паника все равно билась в моей груди встревоженной колибри.

– Фир... Вот, – окликнул меня позади Бреган. – погоди.

«Паника – это враг». Правило замедлило мои ноги, мой пульс. Это не было работой, я не дурила Брегана, но отцовская школа все равно помогала успокоиться.

Дыши. На мне не было того лица. Все было в порядке.

– Что такое? – спросил Бреган, догоняя меня.

Потребовались огромные усилия, чтобы улыбнуться.

– Ничего, просто душно стало. – В темноте было сложно разглядеть выражение лица Брегана. Оставалось лишь надеяться, что и он мое толком не видел.

После паузы он сказал:

– Пойдем, тут можно вылезти на крышу.

Он подвел меня к окну, и мы выбрались наружу. Влажный ветер взъерошил пряди моих волос, дуя на восток, к округу Зет. Мы сели на сухой участок под карнизом, и оба прижали колени к груди, соприкасаясь плечами.

– А что тут делает барон? – спросила я. Нужно было понять, какое отношение барон Хулей имел к театру, к Брегану.

Бреган ответил не сразу, молча глядя на город, и я уже успела пожалеть, что спросила, но тут он вздохнул:

– Пришел встретиться с лидерами реформистов. Моим па и другими. Они пытаются заручиться его поддержкой. – У меня глаза полезли на лоб. То, что Бреган был из реформистов, я уже и так поняла, но, если его па был лидером, значит, он был в самом *центре* движения. – Па думает, что если богачи станут на нашу сторону, то мы сможем победить ставов, – добавил Бреган.

– Победить? Я думала, бастуют ради зарплаты повыше?

Он оперся щекой о ладонь и закинул вторую руку мне за спину. От него пахло пекарней, и этот запах щекотал мне нос и окутывал сердце облаком.

– Так и есть, но па и несколько других лидеров хотят свергнуть весь режим целиком. Избавиться от классов и округов, чтобы мы все жили свободно.

По позвоночнику пробежала дрожь. Уставившись на упрямую звезду на небе, я попыталась представить себе Луисонн без ставского режима, без контрольных пунктов, очередей за едой и нодтактов на каждом углу. Такую жизнь я мечтала обрести на континенте – там, где мы с отцом сможем перестать воровать и устроиться на любую работу, – но никак не представляла здесь, на островах Икета. Я опустила глаза на рубашку Брегана, все еще скрывающую уже засохшую кровь на моем платье.

Даже мечтать о таком казалось чем-то опасным, предательским.

– Думаешь, это возможно? – спросила я.

– Па верит.

Я снова посмотрела на город, чувствуя странный, противный привкус во рту. Бреган и его отец пытались добиться лучшего будущего для всех рабочих, несмотря на риски, в то время как мы с моим отцом лишь лгали, чтобы сбежать.

Бреган тихонько кашлянул:

– Я тут принес тебе кое-что. – Он достал из заднего кармана потрепанный, свернутый в трубку буклет.

Когда я развернула его, лунный свет явил мне картину мужчины и женщины, сплетенных в поцелуе. «Кун и Инсея», было написано рядом.

– Это сценарий моей любимой постановки.

Стало очень сложно дышать.

– Твой? – Я провела пальцем по любовно зачитанным страницам. Ставы бы его повесили, если бы знали, что он такое хранит.

Он откинулся назад, опираясь на обе руки.

– Ага. История о двух влюбленных, нечаянно потерявшихся во времени. Они притворяются разными историческими фигурами, пытаясь найти друг друга. В Кунсии говорят, что она такая сложная, что сам король ее проклял. Тебе придется потом вернуть ее, чтобы я мог репетировать, но я подумал: может, тебе захочется прочитать.

Что-то треснуло где-то под моими ребрами. Хаос закулился лип к коже пленкой из духов и сигаретного дыма. Меня обдало теплом тела Брегана. Когда я подняла глаза, он снова смотрел на меня, слегка нахмурившись, будто бы пытался увидеть все мои слои насквозь, словно бы уверенный, что ему понравится то, что он там найдет.

Но как бы он смотрел на меня, если бы знал правду? Если бы знал, что мы с отцом делали каждый день с людьми вроде барона?

Я с усилием сглотнула. А было ли это важно?

Брегану не обязательно было знать, что я воровка. Мы с отцом все равно скоро уезжали, как бы там ни закончилась вчерашняя сделка с бароном Хулеем. А до тех пор, может быть, я могла быть просто этой версией – обычной рабочей девчонкой с отцом с хлопковой фабрики. Начало новой истории, пустая страница, на которой я смогу писать. Шанс узнать, кем я хочу быть там, за морем.

– Будут еще спектакли скоро? – спросила я.

– Только в следующем месяце. Но если хочешь, можешь как-нибудь зайти в гости. Мы с ма репетируем днем.

Я села прямее:

– Правда?

– Я покажу тебе, как добраться к нам по крышам.

– Хорошо, – сказала я.

Будет сложно снова ускользнуть, но я что-нибудь придумаю.

Когда он улыбнулся, я впервые в жизни понадеялась, что мистер Финвейнт не появится.

Сцена десятая

Бреган

Сейчас

Все было залито кровью. Руки Брегана скользили в ней, пытаясь ухватиться получше. Выстрелы эхом отдавались в каждом уголке Луисонна.

– Твою ж, – простонал Сидд.

Алые капли с его тела пятнами расплывались по штанам Брегана и сапогам Жака, пока они волокли бойца по улице. Пуля вспорола Сидду бок во время наступления на центральный ставский штаб.

– Все в порядке будет, – пообещал Жак, неубедительно шуря глаза под стеклами круглых очков.

Бреган бросил взгляд через плечо. До офисного здания, где засели медики реформистов, оставалось всего несколько метров.

– Залатаем тебя, и делов-то, – сказал он, мысленно надеясь, что Шури еще не внутри.

Они должны были встретиться с ней там перед наступлением на тюрьму, но она бы сошла с ума, увидев Сидда в таком состоянии.

Если она, конечно, вообще явится. В начале вечера ее не было в порту, где ей приказано было быть. Она была в храме.

Дверь медпункта распахнулась, и стоящий на страже мальчишка отпрыгнул в сторону, пропуская их внутрь. В воздухе висел отвратительный запах телесных жидкостей вперемешку с криками боли и громкими приказами.

– Сюда! – Кто-то указал им на свободный участок на полу.

Они уложили Сидда, и Бреган стал стаскивать с него куртку.

– Ты не забудь, тебе еще завтра... – Он замер.

Пуля не прошла вскользь.

Бреган моргнул, и коричневая рубашка Сидда вдруг превратилась в желтую рубаху его двоюродного брата, и красное пятно под сердцем становилось все больше, стекало на пол...

Сидд пошевелился, выдергивая Брегана из воспоминания, и он поймал парня за подбородок, не давая ему взглянуть на страшную рану.

– Тебе еще завтра Сеорсуса играть, – сказал Бреган. – Потому что я эту проклятую роль ненавижу, а если ты не сможешь, то Мезуя заставит меня. – Каким-то чудом его голос не надломился ни разу.

Сидд попытался рассмеяться:

– Да она бы никогда тебе эту роль не доверила.

– Ой, да иди ты.

Рядом появилась медсестра с белой повязкой на рукаве.

– Надо достать пулю, – заявила она, жестом показывая другому медику прижать мужчину к полу.

Бреган перекатился на корточки, и Сидд опять застонал. Он был с реформистами меньше года, но дружба крепнет невероятно быстро, когда вы сражаетесь бок о бок во имя свободы. Несколько недель назад Сидд даже присоединился к «Игрокам» в качестве актера.

Даже когда Брегану казалось, что ему больше нечего и некого терять, ставы находили способ отнять у него еще больше.

От этой мысли железный занавес, за которым он закрыл свое прошлое, приоткрылся, и из-за него выглянула Фирин. Вдавлив кулаки в зажмуренные глаза, он приказал ей убираться.

Фирин погибла в Кровавый Пятдень, как и все остальные.

Четыре года назад ставы накрыли «Игроков» во время постановки «Мести Скарнти». Хлынули в зрительский зал с оружием наготове и разбили все движение реформистов вдребезги. С десятков человек погибло. Множество десятков были ранены, арестованы или попросту исчезли. Пятеро из лидеров движения, включая отца Брегана, были заперты в тюрьме строгого режима.

Бреган больше никогда не видел Фирин.

С тех пор он ушел в подполье вместе с остальными повстанцами. Четыре года они втайне восстанавливали движение заново. Месяц назад они наконец-то смогли заручиться заморской поддержкой, необходимой для успешного переворота. Если и это не сработает, то других вариантов Бреган больше не видел.

С болезненным ощущением зашиваемой по живому раны он прогнал от себя мысли о Фирин. Ему нужно было добраться до тюрьмы, пока ставы не решили убить его па и других лидеров старого движения из чистой мести. Ободряюще сжав руку Сидда, он поднялся и пошел на выход.

Жак последовал за ним, вытряхивая пепел из коротких и тугих темных кудрей.

– Брег, а нам не стоит...

– Сидд? – пробился сквозь шум голос Шури.

Она шагнула в комнату с противоположного входа. Бреган перешел на бег, петляя между кишасными телами медиков и раненых, чтобы преградить ей путь.

– Бреган. Жак. Вот вы где! – ахнула она. – Где Сидд? Нам пора идти. – В руках она держала дробовик почти с себя размером. На ремне штанов болтался пистолет.

Бреган присмотрелся к ней еще раз. Тогда, на крыше храма, она была в платье.

– Ты что делала в храме? – спросил он.

– Чего? Я была в порту, с Мезуей.

Неправда. Он видел ее несколько часов спустя, после того как Мезуя ушла.

– Ты была в храме. Когда ставы начали наступление.

Она наморщила нос:

– Не было меня тут. Слушай...

– Я тебя видел. Мы говорили на крыше.

Маленькие ладони схватили его за плечи.

– Да послушай ты меня. Казармы пали. – От ее широкой улыбки из легких Брегана вышел весь воздух. – Флот Кунсии захватил залив. Киррцы и Таидд уже в центральном районе. Еще немного – и ставскому губернатору не жить.

Бреган уставился на нее. Если бы погиб губернатор, то ставские солдаты – да все с материка Ворстава – наверняка бы сдались.

– Сработало, – выдохнула Шури.

Бреган прищурился, чтобы лучше видеть ее сквозь дым.

Сорок лет.

Четыре десятилетия прошло с тех пор, как Ворставская империя завоевала острова Икет, ранее принадлежавшие пиратам. Прадедущка Брегана лишился головы в Первом Восстании. Во Втором – казнили его дядю. Затем за оружие взялся его па. Четыре поколения борьбы стоили Брегану кузена, матери, четырех лет без отца, целой жизни без Фирин. Хаос полевого госпиталя давил на него, удушал. Он стиснул в руках дуло ружья.

Сегодня всему этому должен был прийти конец, так или иначе, но его отец мог стать свободным, лишь выйдя за ворота тюрьмы.

– Надо найти остальных, – сказал он. – Пора...

Сидд взвыл от боли. Глаза Шури вспыхнули.

– Шури...

Она сорвалась с места и рухнула на колени рядом с раненым. Они присоединились к реформистам вместе – ближе, чем семья, ближе, чем любовники. Так же, как «Игроки», стали семьей для него: связанные вместе кровью, болью и одиночеством. Увидев состояние раны Сидда, Шури издала такой знакомый Брегану крик. Душераздирающий, оглушительный звук, с которым часть твоего сердца отрывается навсегда. Гармонично слившись с общей симфонией потерь, звучавшей в клинике, он ударил Брегана прямо в дыру в его собственном сердце, оставленную Фирин.

Бреган встряхнулся. Нельзя было терять время. Нужно было освободить заключенных – даже без Шури и Сидда. Закинув ружье на плечо, он направился к двери.

Его отец *обязан* был быть жив.

Он отказывался терять еще хоть кого-то из-за этого проклятого святыми режима.

Сцена одиннадцатая

Фирин

Сейчас

Хаос восстания был оглушительным. Всю дорогу до порта мои кости вздрагивали от раздающихся поблизости выстрелов. Кожу продирало холодом от криков. От залпов пушек вдалеке тряслась мостовая. Легким не хватало воздуха, но я продолжала бежать. Если корабль уйдет без меня, я навсегда застряну на этом острове, бегая по кругу в попытке не попасться ставам.

Пустое небо, подернутое пеленой дыма, взирало, как я петляю сквозь толпу перепуганных горожан, вынужденно сворачивая на обходные пути, пока наконец на языке не проступила соль океана. Завернув за угол, я чуть не врезалась в мать с орущим ребенком на плечах. За ней начиналась плотная стена людей. Целый поток отчаявшихся волнами перекатывался к порту.

Если бы я не ушла аж до самой площади Совесть, если бы я не пошла посмотреть на «Игроков», я бы уже была в порту и прошмыгнула бы на корабль под завесой этого безумия. Если бы я только не пошла туда, я бы не увидела...

Встряхнула головой. Нельзя было думать о том, кого я только что бросила позади.

Корабль был единственным, что еще имело какое-то значение.

Оттолкнув с дороги старика со стеклянными глазами, я попыталась протиснуться мимо всхлипывающей матери, но толку не было никакого. Так мне до порта было не добраться. Отступив назад, я поправила сумку на плече, только чтобы осознать, что ремень лопнул. Все мои пожитки проглотила толпа. Матерясь, я нашла ближайшую пожарную лестницу и поднялась. Оставляя за собой следы в слое пепла, я взобралась на крышу.

Сверху было прекрасно видно воду. Восход подкрашивал горизонт цветом свежего кровоподтека, заливая серыми отблесками боевые корабли, набившиеся в туманный залив. От зданий и кораблей, в которые целились пушки, поднимались облака дыма.

Луисонн прогибался под собственным весом. Разоренный, сгоревший, разбитый. Молясь гвинским святым и киррским богам – кому угодно, кто услышит, – я присмотрелась к пристани. Без толку.

Корабль ушел.

У меня вырвался крик, рваный звук, который даже я сама не расслышала на фоне яростной, ужасающей скорби города. Годы подготовки, и я все потеряла за один вечер.

Внезапная животная потребность *бежать* ударила о стенки черепа, поднимая меня на ноги и прогоняя прочь от порта. Сначала я спотыкалась, потом перешла на трусцу, а затем неслась от здания к зданию не останавливаясь, пока не кончился воздух.

И только потом вспомнила, что мне некуда идти.

Прислонившись к чьей-то кирпичной трубе, я попыталась взять себя в руки, но меня накрыло беспощадной реальностью. Ни одна комната, ни один переулок или угол Луисонна не был безопасным. В них было не скрыться от ставов – уж точно не мне. На секунду сердце зануло, желая вернуться в старую отцовскую квартиру. Я зарычала.

Даже в той жизни я никогда не была в настоящей безопасности. А потом ночь разорвало смехом.

Это был чересчур радостный звук, слишком искренний для этого кошмара. Тяжело и хрипло дыша, я глянула вниз через край крыши. Улица подо мной была полна народа, но никто не толкался и не кричал. Вместо этого они радостно смеялись, обступив костер, выплевывающий искры в и так затянутое дымом небо.

Они сжигали гору браслетов.

Мужчина из рабочих торжествуя взревел. Люди стекались с соседних улиц, спотыкаясь и хохоча. Вдали, на Регентском холме, центральный штаб ставов пылал жадным пламенем. Я пошатнулась. Реформисты победили.

Радостные вопли с севера схлестывались с ужасом людей, пытающихся убежать с юга. Новости еще не дошли до всех, не впитались в фундамент города, но они просачивались в рассвет и должны были достигнуть всех с лучами солнца.

«Луисонн, в котором мы будем свободны» – так говорил Бреган.

Это всегда казалось мне детской мечтой. Чем-то наивным, недостижимым.

Внизу, на площади, седая пожилая женщина со стиснутыми зубами сняла с себя браслет рабочего класса и трясущимися руками швырнула его в огонь вместе с документами. Я достала из кармана украденные документы ткачихи и посмотрела на воду, на горизонт за ней.

Всю жизнь я танцевала от тени к тени, от лица к лицу, пытаюсь сбежать от преступлений отца и удавки ставов. Я так мечтала о новой жизни за морем, о жизни, в которой мне не придется пользоваться своей иллюзией, в которой я смогу похоронить все те жуткие вещи, что мне пришлось сотворить, того человека, в которого я превратилась. Наконец начать *жить*. Но если реформисты победили, если ставскому режиму и правда пришел конец...

Дальше думать стало так больно, что показалось, я сама сейчас тресну пополам.

– К Закоулкам потащили! – На площадь ворвалась стайка детей, верещащих со всей силы. – Ставов вешают! – Ребяшня смела празднующих рабочих за собой, словно пойманных в сети рыб, и все двинулись в одном направлении.

Я шла за ними по крышам, пока мы не добрались до канала; там я присела на корточки на крыше башни с часами.

Забитые народом Закоулки ревели от праведного гнева. Люди толпились вокруг огромной статуи императора Дрезнорьпроскаеднова. Некоторые даже сидели на его плечах и болтались на скрещенных руках. Позади стена рабочих закрывала выходы со всех мостов над каналами, заводя пойманных ставов на мосты, как овец в загоны. Нодтактов в черной коже, солдат в униформе, официальных представителей в костюмах, даже обычных горожан.

На одном пустом мосту несколько рабочих готовили веревки для самодельной висельницы.

А потом из ряда солдат вышел мужчина и поднял в воздух покрытый пеплом цилиндр, обнажая густые волосы цвета соломы.

Моя кожа покрылась льдом, а барон Хулей крикнул:

– Сегодня мы забираем то, что по праву наше!

Взмахнув рукой, он подал сигнал группе рабочих бойцов, и они зашагали вперед, ведя к висельнице огромного пленника: мужчину с кривым шрамом, прорезающим бороду.

Нодтакта, который охотился за мной.

Сцена двенадцатая

Фирин

Тогда

Слиток золота казался ледяным на ощупь.

Стоя на коленях на полу, я долго смотрела в тайник, в котором отец хранил наши деньги. Пятьдесят золотых *слитков*, выданных банком, блестели в толстой кожаной сумке. Столько мы еще ни разу не собирали. Столько торговцы не видели за год, а рабочие – за всю свою жизнь.

Несколько дней тишины и хлопков дверью, а потом раз – и деньги просто сами собой появились под половицами. Я не видела, как он их туда клал. Он мне ничего не сказал. Но взяться такая сумма могла только от барона Хулея.

Отец закончил дело, даже не сказав мне.

Я бросила слиток обратно в сумку. Моя кровь пела. Столько лет обманов и авантюр, и вот наконец у нас было достаточно. Можно было отправляться в Иакирру хоть на следующий день; начать наконец заново. Так почему же утром он опять ушел, ничего не сказав? Почему мы ничего не планировали?

Почему мы все еще были *здесь*?

Отец что, передумал уезжать?

Я покосилась на рабочее платье, в котором ходила в театр и которое собиралась снова надеть сегодня, чтобы пробраться в квартиру Брегана. Оно молчаливым вопросом взирало на меня с вешалки. Я запахнула половицу на место. Если отцу можно постоянно уходить святые знают куда, ничего не объясняя, то почему мне нельзя?

Час спустя я уже ковыляла по крышам рабочего района. Солнце палило с на редкость синего неба, первый вкус еще не наступившего лета. Я четко следовала указаниям Брегана, и по мере приближения к цели горизонт заслонили огромные пароходы. Я нервно сглотнула, осознав, что это были квартиры при верфи, принадлежащие барону Хулею. Отец Брегана не просто сотрудничал с бароном – он на него работал.

Глубокий вдох. Барон не знал моего настоящего лица. Мне ничего не угрожало.

Я услышала их раньше, чем увидела. Смех Эсмаи сверкал подобно солнечному свету, а в голосе Брегана сквозило добродушное раздражение.

Я спряталась за трубу. Пальцы на кирпиче были влажными, выдавая нервозность, какая обычно посещала меня перед сложной работой. Но это ведь была не работа.

Эсмаи сидела, скрестив ноги, на потрепанном лоскутном одеяле и размахивала в сторону Брегана ботинком. Он закатал грязные брюки по колено, а полурасстегнутая рубашка являла миру множество веснушек. И он был босым. При ярком солнечном свете он казался еще более настоящим, словно ставший реальностью сон.

– Ты не *пользуешься* акцентом как надо, – сказала Эсмаи.

Бреган закатила глаза. Если бы я с таким возмутительным неуважением отреагировала на отца, то оказалась бы битой и голодной, но Эсмаи лишь вскинула бровь.

– Давай еще раз, – сказала она.

Бреган вздохнул и отодвинулся.

– А теперь позвольте отметить, – зачитал он, выставив указательный палец, – что это я взошел на борт корабля Ужасного Скарнти *первое* всех. И...

– *Что*, – перебила его Эсмаи. – И «*это я* взошел».

Бреган застонал:

– Звучу как какой-то дурак. – Он так-то был прав. Киррцы сильно чеканили согласные, но он так с этим перебарщивал, что превращался в пародию.

Я вышла на свет:

– Дело в ударении.

Они обернулись.

– Вот! – воскликнула Эсмаи.

Бреган с широкой улыбкой встретил меня на краю крыши, помогая перешагнуть, и от его запаха у меня закружилась голова. Солнце играло на его кудрях, словно огонь среди углей. Он не сразу убрал руку с моей талии.

– Ты все-таки пришла.

– Прости, что не получилось сразу, – сказала я.

За его спиной сидевшая на одеяле Эсмаи прищурилась, глядя на нас, и я вспыхнула, выскальзывая из его хватки. Без грима ее глаза казались более впалыми, а кожа бледнее, но улыбка у нее была все такая же искренняя.

– Вот права, Бреган, – отметила она. – Дело *и правда* в ударении.

– Да нет же, просто слова дурацкие, – уперся он.

Я подавила улыбку:

– Предложение и правда странное, но только потому, что ты не туда ставишь ударение.

«Цепляй их ударением, – ворковал отец резкими, сухими голосами тренеров. – Показывай, на что обратить внимание».

– Да? – Бреган втянул воздух сквозь зубы. – Ну что, *Вот*. Ты тогда попробуй.

Я замерла. Никто, кроме отца, не становился раньше моим зрителем, и он уж точно не называл это *актерством*. Но Бреган светился добродушным любопытством, а я хотела учиться, так что я вытерла ладони о юбку. Глубоко вдохнула, как и он, а затем расправила плечи и наморщила нос.

– А теперь позвольте отметить, – сказала я, отбивая каждое *т*, – что это *я* взошел на борт корабля Ужасного Скантри *первое* всех.

Бреган покачал головой, сверкая ямочками. Мои внутренности пустились в странный, незнакомый мне пляс.

– Блестяще! Видишь, как она использовала напыщенность? – рассмеялась Эсмаи.

Не сводя с меня глаз, Бреган попытался зачитать реплику снова, а потом снова. Вместе с матерью они прогнали несколько предложений, затем целых сцен, и после каждой попытки Эсмаи спрашивала моего мнения. Тепло лилось с неба и отражалось от крыши. Минуты становились часами. Они научили меня важности освещения, объяснили, что такое мизансцена, и поделились разными историями об авторе пьесы. И все это время Бреган прожигал меня взглядом, раскаленным солнечным светом, словно я была каким-то чудом.

Такого дня у меня еще ни разу в жизни не было. Простого, понятного. На крышах Луиссонна не было движения реформистов. Меня не могли достать там ни ставы, ни отец. Каждый момент был импровизацией, над которой не нужно было думать.

Наконец солнце коснулось края горизонта. Эсмаи поднялась на ноги.

– Пойду ужин готовить. Вот, кажется, ты смогла хоть что-то вбить в его дубовую голову. Завтра на репетиции с Мезуей ей даже не придется меня отчитывать.

– Я могу еще зайти, – сказала я.

Она замерла, на секунду перестав отряхивать простую юбку гвинского покроя.

– А работы у тебя нет?

Сердце забилось сильнее.

– Я шью для портнихи в нашем доме, – соврала я. – Но каждый день я ей ни к чему.

После короткой паузы Эсмаи улыбнулась:

– Тогда конечно. Завтра можешь даже сразу в театр заглянуть. Уверена, Мезуя...

Бреган кашлянул, перебивая, и поймал ее взгляд.

– Я сказал Мезуе, что зайду во втордень, – отметил он. А потом, повернувшись ко мне, добавил: – Но ты же сможешь прийти завтра? Может, останешься поужинать?

Эсмаи окинула сына оценивающим взглядом, и я нервно сцепила пальцы. Может, она не хотела, чтобы я оставалась ужинать? Я ни разу не была за настоящим семейным столом. Никто из папиных образов не умел готовить. Но тут Эсмаи посмотрела на меня и снова просияла. Холодок этого странного мимолетного момента улетучился так быстро, что, может, его и вовсе не было.

– Да, обязательно заходи завтра на ужин. Сделаю рагу. – Направившись к пожарной лестнице, она добавила: – Не задерживайся долго, Брег. – И исчезла за краем крыши.

Бреган схватил меня за талию, и я взвизгнула. Он закружил меня, и мир расплылся цветным вихрем.

– Ты *где* научилась так играть? – требовательно спросил он.

Мои щеки пылали.

– Нигде.

– То есть ты просто от природы *так* хороша?

– А я хороша?

– Смеешься, что ли? – Он поставил меня на ноги, уже открывая рот для следующего вопроса.

Я достала из свитера его экземпляр «Куна и Инсеи» и выставила перед собой.

– Вот, возвращаю.

За последние несколько дней я перечитала сценарий сотню раз. В эпической истории было рассказано о таких отношениях, каких я никогда раньше не видела – ни в ночных развлечениях зетов по соседству, ни в сдержанных прикосновениях пар из высшего света, даже в танцах на сцене «Рояля». В каждой черточке чернил пылала *любовь*. Я сожгла множество часов масла, забываясь в истории о кунсийской паре и их путешествиях во времени. Снова и снова каждый раз представляя, как это выглядит на сцене.

Я хотела увидеть это представление. Нет, я хотела *быть* Инсеей.

И если Бреган, тот, кто постоянно видел, как играют Эсмаи и Мезуя, считал, что у *меня* талант, то, может, у меня даже были все шансы.

– Уверена, что не хочешь оставить у себя подольше? – спросил он.

Я бы оставила ее у себя навсегда, но он явно любил эту пьесу, а я боялась, что ее найдет отец – или став.

– Не нужно. Я запомнила ее наизусть.

– Запомнила... наизусть?

Я осеклась. Это что, было странно?

Он рассмеялся, прижимая меня к груди. Когда я подняла глаза, он прикрыл веки. Уголки губ смягчились. Внезапно мы оказались так близко, что я едва могла четко его разглядеть. Его кудри щекотали лоб. Весь мир замедлился, сжавшись в размерах до моего сбившегося дыхания и его быстрого тихого вздоха. Мы столкнулись носами, и в животе свернулось что-то острое.

– Фирин, – пробормотал он. – Можно тебя поцеловать?
Я замерла. *Поцеловать меня?*

Бреган был первым, кому я сказала свое имя, первым, с кем я стала проводить время, первый, кого я вообще узнала, – и он хотел *поцеловать* меня. От кончиков пальцев ног до макушки пронеслась волна головокружения, и, может, я даже покачнулась, потому что его пальцы на моей талии сжались сильнее.

– Прости, – кашлянул он, заливаясь краской. – Если ты не...

Я перебила его, прижавшись к его губам своими.

Поцелуй был нежным, даже любопытным. Я не знала, целовался ли он уже раньше, ожидал ли какого-то опыта от меня. Когда мои ладони легли ему на грудь, его сердце бешено колотилось. Скомкав в пальцах ткань его рубашки, я привстала на цыпочки, чтобы быть ближе, изучить форму его губ своими. На вкус он был как на редкость безоблачный горизонт, как приключение, которое я не прочь была пережить. Его тело расслабилось, подстраиваясь под мое, а пальцы скользнули в мои волосы. Все мое внимание резко сузилось в точке, где его большой палец провел по моей ключице.

Когда он отстранился, мне до странного сильно захотелось вцепиться в него и не отпустить, а когда он с улыбкой прижался губами к моему лбу, что-то внутри меня треснуло. Впервые в жизни у меня появилось в Луисонне что-то, что я никак не хотела терять.

Сцена тринадцатая

Бреган

Сейчас

На горизонте появилась луисоннская тюрьма, окутанная дымом со всех уголков города и мрачно возвышающаяся над юго-западными приморскими скалами. Ноги Брегана горели, но они с Жаком продолжали взбираться вверх по наклонным улицам.

Добравшись доверху, они нырнули в переулок, где уже ютились другие вызвавшиеся идти на штурм бойцы, скрывшись из виду и закрыв лица воротниками курток. Их с Жаком встретили прищуренные взгляды. Без Сидда с Шури их осталось восемь.

Том Дрейфи, рабочий среднего возраста, неуклюже двинулся вперед. С его губ, сразу под шрамом от ожога, занимавшего половину его лица, свисала сигарета.

– А сироты где? – спросил он.

– Ранены, – сказал Бреган.

Дрейфи втянул носом воздух, но прежде, чем он успел начать свою речь, Бреган отвернулся к остальным:

– Думаю, в башню стоит идти только нам с Жаком. А остальные...

– У нас недостает четверых. – Дрейфи мокро откашлялся. – Надо менять план. Если вы с Жаком пойдете в башню, то мы окопаемся во дворе снаружи, отвлечем внимание охранников.

Бреган скрипнул зубами. Именно это он и собирался сказать.

Ему не нравился Том Дрейфи. Рабочий присоединился к реформистам два года назад и показал себя заносчивым и непредсказуемым. С самого начала он на каждом шагу спорил и перечил новым лидерам движения, почему зря заводя самых кровожадных из участников и внося в коллектив раздор, в то время как от единогласия зависел весь их успех. Но он был отличным стрелком и стратегом, так что Бреган согласился принять его помощь этим вечером. Другие бойцы были новичками, из тех, кого так и тянуло сплотиться вокруг Дрейфи. Они вызвались только потому, что вызвался он.

– Согласен, – сказал Бреган. Нельзя было терять времени. – Пошли. – Натянув рубашку на рот, он шагнул обратно на главную улицу.

Тюрьму изначально построили пираты, но за время оккупации ставы ее здорово укрепили. Три ряда концентрических стен разделяли заключенных по тяжести их преступления. Внешние слои занимали легкие нарушения, а вот особо серьезных преступников держали в отдельной башне по центру – в башне, в которой отец Брегана сидел с самого Кровавого Пятдня.

Бреган стиснул крепче ружье. Па был жив. Обязан был быть жив.

За пару зданий до входа Дрейфи прорвал тишину свистом. Поднял руку. Все замерли. Когда он опустил ладонь, они разделились. Бреган последовал вслед за Жаком по самому краю улицы, пока сквозь завесу дыма не проступили тюремные ворота. Жак обернулся, подал сигнал, и они нырнули в укрытие за перевернутой рыночной телегой.

Бам, бам, бам.

Телега затряслась под градом пуль.

Как только ставы прекратили стрелять, Бреган и Жак развернулись, положив дула ружей на край телеги. На тюремной стене маячили размытые силуэты. Бреган нажал на курок. Жак тоже. Силуэты исчезли.

– Кажется, попали, – хрипло сказал Жак, утирая стекла очков.

Бреган кивнул.

На другой стороне улицы из дыма появился Дрейфи и показал им двигаться вперед. На подходе к воротам Бреган вскинул ружье, готовый к новому сопротивлению, но ничего не произошло.

Ночь молча наблюдала, как они готовят веревку, залезают на стену и прыгают с другой стороны. Их встретила огромная арка, ведущая глубже внутрь тюрьмы. Ничего не шевелилось.

– Сработало, – сплюнул один из бойцов. – Твари все умотали защищать Центральный.

Бреган провел остальных мимо открытых дверей, в бесконечные коридоры камер. Тюрьма была сырой, ледяной и темной, как дно океана. Крики заключенных эхом отдавались от стен без окон, но он не обращал на них внимания, прибавив шаг.

Охраны нигде не было. Ни души, кроме тех, что за решетками.

Грудь сдавило – впереди наконец показался тусклый свет, выход во внутренний двор. Бреган выбежал обратно в ночь, озаренную пожарами вдалеке. Башня строгого режима высилась посреди площадки, подобно монарху, отделенная от остальной тюрьмы и подчеркнутая океаном на фоне.

Бам.

Пуля врезалась в стену, засыпая Брегана кусочками камня. Он рухнул на землю, дрожа всем телом, и со всех сторон одновременно раздались десятки выстрелов.

Ружье вылетело у него из рук, завертевшись по плотно сбитой щебенке. Он поднял взгляд. На внешней стене двора сидел ставский солдат с песочного цвета волосами и смотрел на него в прицел винтовки. У него был кривой нос, словно его сломали и так и не вправили обратно.

Ловушка. Ставские охранники знали, что реформисты придут к башне, чтобы освободить Пятерку. Пропустили их внутрь и заперли во дворе.

Мир замер. Бреган ждал, пока солдат спустит курок.

И тут во двор ворвался Дрейфи в облаке сотен выстрелов. Реформисты обрушили на стены град пуль, и охранник испарился.

– Внутри давайте! – рявкнул Дрейфи, перезаряжаясь.

Бреган подхватил ружье и кинулся к башне. Жак прострелил замок, рассыпая повсюду щепки дерева и металла. Они ударились в дверь плечами, и перед ними открылся сырой, темный проход.

– Па! – крикнул Бреган, взлетая по единственной лестнице.

Когда он дошел до четвертого этажа, до него донеслось его собственное имя.

– Бреган! – хрипло, но узнаваемо.

Бреган споткнулся о ступеньку, привалился к стене, чтобы перевести дух. Отец был жив. В кои-то веки святые присмотрели за ним. В кои-то веки ему не нужно было терять кого-то еще. Дойдя до самого верха, он оказался в коридоре с заколоченными окнами. Выглядывали лица, в воздухе звенело удивление, но он сосредоточился лишь на паре темных глаз, таких же, как у него, и кинулся к двери, за которой эти глаза были заперты.

– Ключи! – крикнул Жак, звеня железом.

Бреган вырвал их из его руки и трясущимися руками стал пихать их в замок, один за другим.

– У тебя получилось, – пробормотал па из-за решетки.

Замок щелкнул. Бреган кинул ключи обратно Жаку, чтобы тот освободил остальных, распахнул дверь и обхватил отца руками. Казалось, он мог пересчитать его кости через рубашку.

– Что случилось? – спросил па. – Как вы сюда пробрались? Охранники ушли, потом мы слышали пушки и стало пахнуть дымом, но...

– Мы добились помощи с континента, – выдавил из себя Бреган, с трудом держа голос ровно, оказавшись лицом к лицу с отцом. – Остальные сейчас штурмуют Центральный. Как...

Кожа свисала со слишком тонких рук отца. Осунувшееся лицо было покрыто шрамами: старыми, новыми, поглубже. Тонкие прямые разрезы от клинков. Некоторые уходили дальше на голову, чертя линии в бритых волосах. Горло Брегана обожгло желчью.

– Что они...

Па покачал головой:

– Неважно. Я в порядке. Как... где твоя мать?

Резко похолодало.

– Надо вас вытаскивать, – сказал Бреган, отступая к двери. – Спрятать тебя в тылу, пока мы не знаем точно...

– Скажи мне. – В его плечо впились костлявые отцовские пальцы. Одного из них недо- ставало.

Брегану очень не хотелось говорить об этом именно здесь и сейчас.

– Па...

– Где она, сын?

– Ее нет.

Ресницы отца дрогнули.

– В каком смысле?

Бреган хотел было сказать, что она умерла, но отец бы сам все узнал со временем. Соврать сейчас значило сделать ему больнее потом.

– Это из-за нее ты здесь. Она предала нас.

– Нет. – Па наморщил нос.

– Да.

Четыре года назад, в Кровавый Пятдень, ма пошла на поводу у своей трусости. В обмен на защиту она сдала реформистов ставам. Из-за нее ставы нашли театр в заводе, из-за нее развалилось движение, из-за нее поймали отца и убили столько людей. Из-за нее он потерял Фирин.

Па покачал головой:

– Ставы говорили... но я не...

– Это *правда*. Она сама мне все рассказала, прежде чем собрать сумки, сесть на корабль и сбежать в Кунсии.

У па вырвался звук, похожий на стон ветра, словно из него вышел весь воздух.

Он шагнул назад, обратно в камеру. Бреган поймал его за руку.

– Надо идти, – рыкнул он. Вышло куда грубее, чем он хотел. Но он пожертвовал *всем* за эти четыре года, лишь бы попасть сюда, в эту тюрьму. Он не собирался рисковать их жизнями ради споров о матери. Особенно учитывая, что все это была ее вина.

– Выстрелы затихли, – заметил Жак.

Вместе с другими заключенными он стоял снаружи камеры, глядя на Брегана с отцом. Пятерка – так люди звали предыдущих лидеров реформистов до их ареста – превратилась в

призраков тех бесстрашных революционеров, которых Бреган однажды боготворил. Грязная форма, шрамы, осунувшиеся лица.

Он сглотнул. Дрейфи с остальными остались во дворе.

– Пошли, – сказал он, протягивая свой пистолет отцу.

Вниз они спускались в тяжелой тишине. Впереди шел Бреган с ружьем, через шаг от него – отец. С барабанной дробью в голове он подошел к бойнице, выглядывающей на север, просунул в отверстие ружье и прищурился, глядя наружу.

Дрейфи стоял посередине двора, живой, держа руку крючконосого става. Другой ставский солдат с ослепительно-белыми волосами стоял рядом. Бреган моргнул, ожидая выстрела, удара – но Дрейфи пошевелился и разжал пальцы.

Став кивнул реформистам и выбежал со двора вместе со своим дружкой, совсем рядом с тем местом, где его пуля чуть не вошла Брегану в лицо. Еще две фигуры на стене метнулись на юг.

Четверо ставских охранников. И Дрейфи всех их отпустил.

Тяжело ссыпавшись вниз по лестнице, Бреган выскочил во двор, стуча ружьем о бок.

– Это куда они собрались?

Дрейфи утер подбородок:

– Они сдались.

– *Сдались?* – Остальные бойцы – люди Дрейфи – переводили взгляд с одного из них на другого.

По позвоночнику Брегана пробежал холодок.

– Они никого даже не подстрелили. – Дрейфи сплюнул на песок. – Перестали сопротивляться, как только вы зашли внутрь. Сказали, что ослушались приказов, оставили их вот в живых. – Он дернул подбородком в сторону Пятерки. – Большая честь познакомиться с вами. Я Том Дрейфи, один из заседателей Совета нового правительства.

Бреган едва мог говорить.

– То, что они оставили в живых заключенных, чтобы прикрыть собственные задницы, их преступлений не отменяет. Не делает их *невинными*. – Он покосился на самый свежий рваный шрам на голове отца, и зрение заволокло алой пеленой.

– Не нужно еще больше смертей сегодня, сынок, – сказал Дрейфи. Он был слишком спокойным, слишком собранным.

– С каких это пор у нас выбор между *свободой* и *смертью*? Надо было их арестовать, расследовать...

– Все кончено, – сказал Дрейфи тоном взрослого, пытающегося успокоить маленького ребенка.

Бреган оскалился. Все это было какой-то дуростью. Ставские охранники были в выгодном положении. Могли сбежать, раствориться в хаосе, ускользнуть от поимки самостоятельно. С чего это вдруг они спустились со стен, чтобы *пожать* Дрейфи руку? Зачем сдаваться, когда это было не нужно? Остальные бойцы переступали с ноги на ногу, не поднимая глаз.

– Я что-то пропустил? – спросил Бреган.

– Нет, сынок. С холмов только что гонец прибежал, все подтвердилось, – ответил Дрейфи, нагло притворяясь, что не так понял его вопрос, и показал рукой на мальчишку, жадно глотающего воду из фляжки одного из бойцов. – Губернатор мертв. Мы победили. Официально.

Пятерка переглянулась с открытыми от удивления ртами, но Бреган никак не мог успокоиться. Дрейфи врал – и другие реформисты знали об этом.

Бреган шагнул было вперед, но на его спину успокаивающим весом легла рука. Обернувшись, он взглянул в усталое лицо отца.

– Забудь, Брег.

Заклученные и бойцы смотрели на него. На них давила усталость. В глазах блесело нетерпение. Они хотели, чтобы все закончилось. Хотели пойти домой.

Бреган выдохнул, глядя на отцовскую ладонь на своем плече, на его недостающий палец. Ладно. Но просто так он это спускать не собирался.

Сцена четырнадцатая

Фирин

Сейчас

Над новым Луисонном взошло солнце.

Под алым небом реформисты казнили всех нодтактов и ставов, желавших мне смерти. Громко объявлялись приговоры за преступления против мира, человечности и свободы, пятерками выводили на мосты обвиняемых. Им на головы натягивали черные мешки. На шеях затягивали удавки.

Барон Хулей, новый временный президент Луисонна, командовал казнью, словно дирижер оркестром. Солнце золотом сверкало на волосах, делая его похожим на те золотые слитки, которые мы с отцом когда-то украли у него – та кража, которая поставила крест на всем, перерезала первую нить в моей расхолодившейся по швам жизни. Я уверена была, что после Кровавого Пятдня он бросил движение реформистов, но нет. Вот он был в их главе.

Сидя на крыше башни с часами я наблюдала, как барон приказывал столкнуть нодтактов с мостов, как падали их тела на заготовленные снизу лодки. Меня бы он убил так же легко и быстро, за все то, что я причинила ему.

Но он не знал моего настоящего лица.

Только луисоннские нодтакты раскрыли мою иллюзию, и все они умирали у меня на глазах.

К окончанию расправы я чувствовала себя совершенно опустошенной.

Мысли бегали где-то по поверхности моего ступора, словно снежинки на замерзшем пруду. Мир замедлился. Звуки восстания утихли. Осколки моего прошлого парили в воздухе вокруг, ожидая, какие из них я выберу. Что решу сохранить, а от чего избавиться.

Отъезд в Кунсии, создание себя заново, – все это было сырой мечтой, рожденной из отчаяния, как и все мои детские фантазии. Но на самом деле я не хотела садиться на тот корабль. Только одну жизнь я хотела *по-настоящему*: жизнь среди «Игроков», на сцене, рядом с Бреганом. Я думала, что все те мечты погибли в Кровавый Пятдень, но, может быть, в этот день они могли воскреснуть на рассвете, как и весь город.

Закрыв глаза, я увидела Брегана на крыше площади Совеста, с ружьем в руках. Сердце болезненно сжалось. В то лето он не хотел участвовать в жестокости реформистов, но стало очевидно, что Кровавый Пятдень все изменил. Для нас обоих. Судя по всему, как и я, он пожертвовал частью себя, чтобы выжить.

За последние четыре года, задыхаясь в тисках отцовского наследия, я натворила много ужасного – такого, за что Бреган бы меня возненавидел, за что меня отвергла бы труппа, за

что меня бы убил Хулей. Но теперь ставского режима не стало, так что, может быть, никому и не нужно было обо всем этом знать.

Я поднялась на ноги. Отряхнула платье.

Карманное зеркальце, потайной нож и платье – вот и все, что у меня осталось. Денег на отъезд у меня больше не было, даже если бы я и хотела уплыть. А я не хотела. Только не теперь. Твердой рукой я сорвала с себя браслет ткачихи, скомкала ее документы и скинула их с крыши.

Крышка моего старого зеркальца была залита кровью. Я смазала ее пальцем, отчищая последний кусок моего детства, и открыла зеркало.

На меня взглянула Шури, светловолосая девчонка из реформистов. Покосившись на барона, я помедлила. Главное, чтобы он никогда меня не разгадал. Тогда все сработает.

Я отпустила нитку иллюзии. Облегчение накрыло меня волной, заставляя рухнуть на четвереньки, задыхаясь после нескольких лет непрерывного напряжения. Когда перед глазами перестали плясать пятна, я снова подняла зеркало.

Оттуда на меня смотрело мое собственное лицо.

Сцена пятнадцатая

Бреган

Сейчас

Весь город вывалил на улицы Луисонна.

Дрейфи со своими бойцами отправился к Регентскому холму, проверить, как там Аддим Таидд, а Бреган с Жаком остались проводить Пятерку обратно к храму на площади Совеста. Всю дорогу их сопровождали черные хлопья пепла, танцующие в тумане на фоне насыщенного победного рассвета. И впервые за долгое время людям хотелось смотреть на город, а не на горизонт. Брегану хотелось бы расслабиться вместе с ними, но он никак не мог перестать думать об освобожденных ставских охранниках.

Дрейфи отпустил их, а затем соврал о причине. Это Брегану было кристально ясно. Он только все никак не мог понять, что выигрывал сам Дрейфи, отпуская четверых ставов. Обычно заведенный, мужчина на этот раз вел себя исключительно расслабленно. Ни он, ни его бойцы не смотрели Брегану в глаза. Они что-то скрывали, и временному президенту следовало об этом знать.

По мере приближения к площади вокруг пополз нарастающий, словно ветер, шепот.

– Смотрите, вон они.

– Пятерка жива.

Множество глаз следило за заключенными, их тюремной одеждой, потрепанными лицами и истонченными костями. Бреган дергался от каждого нового шепотка, наблюдая за отцом. Па безэмоционально смотрел на каблуки ботинок Жака, и что-то Брегану не казалось, будто он чувствовал себя героем. Бреган так точно не чувствовал. Ни один из них не вступал в движение реформистов ради славы. Никто из их семьи. Они вступили в движение повстанцев из отчаяния, из желания написать свое будущее самостоятельно, ради шанса жить в мире, где можно будет говорить свободно и делать, что захочется, не обрекая при этом своих любимых на смерть.

И вот они наконец-то достигли всего этого, но Бреган чувствовал лишь опустошение.

– Мы победили, – тихо сказал он не то отцу, не то самому себе.

Па поднял глаза, пару раз моргнул. Бреган не стал отводить взгляд. Он потерял Фирин, они оба потеряли ма. За эти годы им пришлось делать такое, чем не приходилось гордиться, такое, что Брегану было не забыть до конца жизни, но по крайней мере они убедились, что его прадедушка, дядя, кузен и бесчисленное количество других людей не погибли почем зря. А это уже было что-то. Может, этого даже было достаточно.

После долгой, тяжелой паузы па кивнул:

– А что за Совет?

– Все движение в прошлом месяце проголосовало за учреждение временного правительства, – сказал Бреган. – Нам нужно хоть какое-то руководство, чтобы обеспечить стабильность, раз уж мы ее выиграли. Утвердили следующую схему: президент во главе Совета из пяти членов – по одному от баронов, управляющих и торговцев и двое от рабочих. Один рабочий представлял округ Луисонна, в том числе и зетов, а второй – остальные части островов Икета, которые были в основном заполнены жителями рабочего класса. Со временем им предстояло переименовать все районы и придумать новые определения, но все по порядку. Через пару месяцев устроим выборы президента, – добавил он, – а потом еще одни, для Совета. До тех пор Дрейфи с остальными будут их заменять.

– А ты не с ними? – спросил па.

– Нет. Я не стал вызываться. – Бреган не хотел быть политиком. Он и реформистом-то быть никогда не хотел.

Раннее утро звенело криками, когда они вышли на площадь Совеста.

Перед заброшенным храмом, убежищем «Тайных Игроков», трещал огромный костер. С десяток молодых рабочих сидели на опрокинутой статуе ворставского императора, передавая друг другу напитки, и призывали людей кидать браслеты и документы в огонь.

– Тогда чем займешься? – спросил па.

Бреган уставился в танцующее пламя. Кожа дымилась, бумага скручивалась в комки.

Будущее всегда было чем-то неуловимым. Каждый раз, стоило ему хоть начать его представлять, ставы все разрывали на части. Последние четыре года, живя под землей и скрываясь от режима, он сосредоточился на освобождении отца из тюрьмы. Что-то дальше представить было просто невозможно. Большая его часть вообще не ожидала, что он доживет до конца. И вот он дожил. И, честно говоря, не знал, что ему делать.

На краю зрения мелькнуло лицо Фирин, и он потерял глаза, прогоняя ее. Вместо того чтобы ответить отцу, он заозирался, пытаясь найти на площади барона Хулея. Не нашел. Не нашел вообще никого из Совета реформистов.

Кто-то схватил его за плечо. Когда Бреган обернулся, широкая улыбка Тэза словно ударила его в грудь. Актер сгреб его в сокрушительные объятия, и Бреган вцепился в него в ответ. До этого момента он даже и не замечал, насколько сильно старался не думать о том, кто выжил в этой ночи, а кто нет. Большинство из трупы вызвались помочь раненым во время восстания – когда Тэз отстранился, его льняная рубашка была вымазана в чужой крови.

– Слава предкам, ты в порядке, – сказал Тэз, утирая красные глаза.

– Взаимно, – сказал Бреган. Хотел было спросить о других «Игроках», но не смог найти слов. Вместо этого он спросил: – Не знаешь, где барон Хулей?

– Я нигде не видел. Можешь спросить у Мезуи.

Стиснув плечо Тэза еще разок напоследок, Бреган взобрался по главным ступеням храма, вместе с волонтерами, помогающими раненым. Когда он ступил через порог, весь мир переменялся подобно зимнему ветру.

Вдоль стен штабелями лежали завернутые в простыни трупы. За следующей дверью виднелась внутренняя часть храма, усеянная стонущими пациентами. Они лежали на скамьях, сворачивались клубками на подоконниках, сидели в каждом углу. Бреган замер, окруженный мертвыми. Станный вес свернулся в животе, притягивая его к земле.

Вот она, цена, которую они заплатили за свободу.

Нет. Цена, которую ставы заставили их заплатить.

– Да вы издеваетесь! – прорычал за его спиной па.

Переход от отчаяния к злости был так внезапен, что Бреган даже не сразу понял – он прожигал взглядом директора «Игроков», Мезую, которая помогала уложить на скамью раненую женщину.

Внутри Брегана что-то оборвалось.

– Па...

Его отец пронесся мимо.

– Это ты во всем виновата, да? – Его крик отдался эхом, привлекая внимание всех вокруг.

Па с Мезуей никогда не ладили, даже когда оба были с реформистами. Па так и не простил Мезуе, что та завербовала ма в свою нелегальную труппу, а Мезуя обвиняла его в недостаточной поддержке.

Но ма не было. Революция окончилась. У их ног лежали мертвые люди.

Мезуя уложила раненую, а потом вышла в проход, утирая руки о безнадежно испачканные юбки. Пыль и пепел липли к ее куртке, марали щеки, покрывали тугие кудри, нимбом обрамляющие голову, заставляя ее выглядеть куда старше настоящего.

– Привет, Дэк. – Ее взгляд был стальным.

– Святыми клянусь, если это ты подбила ее...

Бреган преградил отцу путь:

– Па, потише.

– Если твоя ма и сдала нас ставам, то *она* тут точно руку приложила.

– Нет, это не ее вина.

– Никогда ей не доверял. – Па ткнул пальцем в ее сторону, и его голос сломался на высокой ноте. – Говорил же твоей ма – она только себя бережет. Говорил ей, что она...

– Прекрати, па, – сказал Бреган, хватая отца за плечи. – Я жил под землей с Мезуей и остальными реформистами с самого твоего ареста. То, что натворила ма, к ней никак не относится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.